

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/4937059>

Вдребезги

Направленность: Слэш

Автор: Макс Фальк (<https://ficbook.net/authors/1360632>)

Соавторы: JFalk (<https://ficbook.net/authors/1733475>)

Беты (редакторы): Natka_April (<https://ficbook.net/authors/436593>)

Фэндом: James McAvoy, Michael Fassbender (кроссовер)

Пейринг или персонажи: Макфасси

Рейтинг: NC-17

Жанры: Романтика, Ангст, Драма, Психология, Повседневность, Hurt/comfort, AU, Первый раз, Дружба

Предупреждения: ООС, Нецензурная лексика, ОМП, ОЖП, Элементы гета

Размер: Макси, 281 страница

Кол-во частей: 6

Статус: закончен

Описание:

От матери Майклу досталось мятежное ирландское сердце, от отца - немецкая педантичность. Ему всего двадцать, и у него есть мечта: вырваться из своей нищей жизни, стать каскадёром, сняться в кино. На пути к ней мотоцикл не подведёт, ведь он знает в нём, как родную, каждую гайку. Но что, если подведёт беспокойное ирландское сердце?

Что, если он влюбится без оглядки в того, кто ему не ровня, и на дороге к мечте, стремительной и прямой, влетит в катастрофу?

Посвящение:

Роман целиком выложен здесь:

<https://lit-era.com/book/vdrebezgi-b39583>

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Вдохновлено тумблером:

<http://chachasiki.tumblr.com/post/147897130389/campusau-young-motorcycle-player-erik-college>

<http://maximillianfalk.tumblr.com/post/151874701581/codenamecesare-ninemoons42-mcavoys>

Коллаж к фику, автор - Kiron666. Спасибо!

<http://static.diary.ru/userdir/4/1/7/6/41767/84660601.jpg>

Два коллажа от Motik71. Спасибо!

<http://static.diary.ru/userdir/4/1/7/6/41767/84781177.jpg>

<http://static.diary.ru/userdir/4/1/7/6/41767/84781178.jpg>

Коллаж от eisenhardt. Спасибо!

<http://static.diary.ru/userdir/4/1/7/6/41767/84868060.jpg>

Коллаж от Der_Wahnsinn. Спасибо!

<http://static.diary.ru/userdir/4/1/7/6/41767/84907094.jpg>

ТОС

ТОС	2
00	3
01	5
02	11
03	19
04	26
Примечание к части	31
37	32
Примечание к части	41

Костюмчик сидел на нём, как вторая кожа. Светло-серая кожа с голубоватым отливом, как у макрели, только без полосок и пятнышек. Майкл видел такую ткань в витринах у портных: целые рулоны блестящей тонкой шерсти и гладкого водянистого шёлка, серые, чёрные, лиловые, в полоску и в клетку. Стеллажи были похожи на библиотечные полки, только на корешках не было никаких букв.

Глаза у Костюмчика тоже были рыбы: выпуклые, прозрачно-голубые. Волосы под цвет рубашки – пепельные, коротко стриженные. От холёного гладкого лица за милю несло увлажняющими лосьонами и чуть ли не пудрой.

– Здравствуй, Майкл, – сказал Костюмчик, отодвигая для себя стул.

Бетонные стены в комнате для свиданий были выкрашены в унылый зелёный цвет. Лампа дневного света под потолком тихо жужжала. Майкл положил руки на стол и сцепил пальцы. Наручники неприятно звякнули друг о друга.

– Вы ещё кто? – спросил он, глядя исподлобья.

– Твой новый адвокат. Меня зовут Норман МакКейн.

Костюмчик смахнул со стула невидимую пыль, прежде чем сесть, положил на стол кожаный портфель. Сложил руки перед собой и подался вперёд, внимательно ощупывая взглядом лицо Майкла. Тот откинулся назад:

– Прошлый потерялся, чё ли?

– Занялся другим делом, – спокойно сказал Костюмчик. – Тебе не всё ли равно?

– У меня бабла нет на таких, как вы, – раздражённо сказал Майкл в лощёное лицо. У адвоката оказалась бесючая манера смотреть в глаза: не мигая, как гадюка.

– Не беспокойся о деньгах. Тебе не придётся платить.

– Вас прислал Джаймс? – с тревогой спросил Майкл.

– Нет.

Костюмчик звонко брякнул пряжкой портфеля, залез туда по локоть и извлёк пачку Ротманс в целлофановой обёртке. Поверх положил зажигалку, подвинул к Майклу. Тот проводил его руки взглядом, но к сигаретам не потянулся.

– Чё вам нужно?

– Меня прислал старший мистер МакЭвой, – ответил Костюмчик. – Он хочет, чтобы я помог тебе выпутаться.

Майкл молчал, теребил пальцами цепочку наручников. Адвокат помолчал вместе с ним, потом начал снова:

– Майкл, если ты не будешь со мной разговаривать, я не смогу тебе помочь.

– Чё вы хотите знать? – хрипло спросил тот.

– Всё.

Майкл произвольно усмехнулся:

– Так уж прям «всё».

– Графические подробности твоей связи с Джеймсом МакЭвоем меня не интересуют, – терпеливо сказал адвокат. Спокойный, как мелкий осенний дождь, и такой же нудный. Вытянул руку и посмотрел на часы. – Если только они не относятся к делу.

– И чё папаша Джаймса вас сюда впряг?

– А ты сам не догадываешься?

Майкл пожал плечами. Наручники холодили кожу, тёрлись о запястья, как грубый любовник. Майкл пытался пристроить их, чтобы не мешали, но с непривычки постоянно держал руки на весу, и это раздражало даже сильнее, чем рентгеновский взгляд Костюмчика. Он убрал руки на колени.

– Ладно, если ты так хочешь, я сам скажу, – Костюмчик кивнул. – Первая причина: Джеймс попросил мистера МакЭвоя вступить за тебя. Но он не занимается уголовными делами, а я занимаюсь.

– Так вы на него горбатитесь, значит? – спросил Майкл. Уши у него начали краснеть.

– Нет. Я его старый друг. Вторая причина: мистер МакЭвой очень дорожит своей репутацией. Если пойдут слухи, что его сын хотя бы косвенно связан с...

– Джеймс не знал! – горячо перебил Майкл, резко подавшись вперёд. – Он даже не при делах, я ему ни слова не говорил!

– А ты знал? – серьёзно спросил Костюмчик, сдвигая белёсые брови. – Подумай как следует, Майкл. Не торопись с ответом. Всё, что ты мне расскажешь, останется между нами. Это я гарантирую. Но если на суде ты заговоришь иначе, я не смогу помочь.

Майкл посмотрел ему в глаза.

– Щас похрену, что я отвечу, да? Не дурак, секу тему. Верный расклад только один, как в лотерее по телику.

– Я повторяюсь. Мне нужна вся правда. Я не прошу тебя врать. Я хочу знать, что случилось, чтобы я мог тебя защитить.

Майкл снова положил руки на стол.

– Ты можешь что-то знать, – продолжал Костюмчик, – если тебе это сказали. Или показали. Если ты слышал обрывок разговора, видел сообщение, пусть даже случайно. Меня сейчас не интересуют твои догадки. Так что подумай как следует и скажи – ты знал?

– Нет, – ответил Майкл, опуская голову. – Я не знал, что там кокаин.

Майкл глотнул воды из бутылки, запив сухой сэндвич, и поднёс бинокль к глазам. С расстояния в полмили группа людей казалась бестолковой, как человечки из набора Лего. Из-за мотоциклетных шлемов головы у них были такие же несуразные.

– Хорош трепаться, – недовольно пробормотал Майкл, будто они могли его услышать.

С пригорка, где он сидел, отлично просматривалась площадка студии Уорнер Бразерс. Мотоциклисты стояли кучкой, что-то обсуждали и явно не собирались расходиться. По ходу их тренировка на сегодня была закончена.

Майкл встал на ноги, отряхнул крошки с коленей. Чёрная кожа экипировочных штанов прогрелась так, что ужалила ладонь. Он убрал в багажник мотоцикла полупустую бутылку воды, пинком откинул стояночный тормоз и сел за руль.

Когда тебе двадцать лет и у тебя есть мечта, жизнь расстилается перед тобой, как хорошая трасса. Дни сливаются в белую полосу разметки, ветер шумит в ушах, послушный мотор ревёт, унося тебя к горизонту. Позади остаются дорожные указатели: вот ты родился, вот ты пошёл в школу, первая драка, первый мопед, первый секс. Будущее прозрачно, а горизонт далёк. Иногда над твоей головой собираются тучи, гладкий асфальт под колесами сменяется трясушей гравийной дорогой, но если смотреть вперёд и цепко держаться за руль, чувствуя коленями дрожь горячего железа, ты обязательно выружишь.

Майкл не верил ни в судьбу, ни в бога, ни в чёрта. Он верил в себя.

До столкновения с судьбой оставалось двадцать миль и пятьдесят шесть минут ровной дороги.

Судьбу звали Сара, ей было двадцать два, и она была в чертовски поганом настроении.

– Ты такой старомодный, Джеймс, это просто смешно!

Она кинула кредитку в сумочку и прижала телефон плечом к уху. Обе руки были заняты шуршащими бумажными пакетами.

– Теперь я старомодный! – воскликнул Джеймс в трубке, и она поморщилась. Когда МакЭвой злился, голос у него, обычно довольно тихий, поднимался на полтона выше и здорово прибавлял в громкости.

– Хватит жить в Средних веках, Джеймс, мир давно изменился!

Сара вышла на улицу. После прохладного магазинного воздуха августовская жара была приятной. Сара поудобнее перехватила пакеты и зашагала по Бонд-стрит. С витрин на неё зазывно глазели манекены, предлагая перехватить для успокоения нервов рубашечку или маечку, ещё одну юбку, ещё одно коктейльное платье. Сара ныряла в стеклянные двери: затенённые кондиционированные магазины утешали её пиликаньем кассовых аппаратов.

– Как ты могла подумать, что я соглашусь! – кипятился Джеймс.

– Как я могла подумать, что ты струсишь! – отвечала она, цокая каблуками по разгорячённым плиткам.

– Это вульгарно!

– Ты даже не пробовал!

– Я не хочу пробовать! Я даже думать об этом не хочу! Сначала ты ещё кого-то притащишь к нам в постель, а дальше что? Должны же быть какие-то рамки!

– Джеймс, господи, ты бубнишь, как моя тётя Агата. Тебе точно восемнадцать, а не восемьдесят? Если тебе так противно, я найду кого-нибудь без комплексов.

Голос в трубке замолчал, потом Джеймс звонко спросил:

– Вот так, значит?

– Да, вот так, – резко ответила Сара. – Я устала с тобой ругаться.

– Прекрасно! А я устал от твоей распушенности.

– Давай, пай-мальчик, назови меня шлюхой, – она нырнула в просвет между припаркованными машинами, чтобы перебежать дорогу.

Что-то красно-чёрное пронеслось у неё перед самым носом, ударило в плечо и отбросило назад к тротуару. Шпилька попала в решётку водостока, Сара взмахнула руками и рухнула спиной назад. Металл проскрежетал по асфальту, кто-то вскрикнул, прохожие отшатнулись от дороги. Сара, моргая, ошеломлённо смотрела, как у неё перед глазами крутится задранное вверх заднее колесо. Она пошевелила лодыжкой, высвобождая каблук – ногу до колена прошила острая боль.

Из-под упавшего мотоцикла выбрался молодой человек, стащил с головы шлем.

– Эй, леди! Ты в порядке?

– Боже мой, простите, я не смотрела, куда я иду, – Сара поморщилась, потёрла ногу. – Я такая дура!

Парень, сильно хромя и опираясь на припаркованные машины, подобрался поближе.

– Извиняй, что толкнул, ты мне прям под колеса прыгнула. Чё-нить болит? Встать можёшь?

У него был типичный выговор жителя Ист-Энда, он глотал гласные, будто за каждую сэкономленную «а» или «о» получал пять пенсов.

– Это я виновата, – Сара болезненно скривилась. – Поссорилась с парнем.

– Невезуха, – тот широко улыбнулся, начал собирать рассыпавшиеся пакеты. Под одним из них обнаружился телефон.

Сара чертыхнулась, подобрала его, и изящная раскладушка распалась в её руке на две части.

– Да чтоб тебя!

– Обидно. Дорогая херня? – Парень кивнул на телефон.

Сара удивлённо взглянула в лицо своему спасителю. Честно говоря, она не помнила, сколько стоила эта игрушка. Она вообще не привыкла смотреть на ценники, если там было указано меньше тысячи фунтов. Удобно быть девушкой из богатой семьи, но столкновение с другой реальностью всегда оказывается неловким.

Чёрно-красная кожаная куртка мотоциклиста была процарапана в нескольких местах и носила следы аккуратной штопки. Несуразная стрижка парня стояла дыбом – за такую надо парикмахерам руки отрывать. Чем его стригли, газонокосилкой?

Сара метким броском отправила остатки телефона в пакет с нижним бельём.

– Забудь, – коротко сказала она. – Надо было смотреть, куда иду.

Она снова пошевелила ногой. Было больно, но не смертельно – примерно так же, как в тот раз, когда она навернулась в танцклассе из акробатической поддержки. Говорила же Тимоти: не умеешь – не берись, так ведь нет, он хотел выпендриться. Выпендривался потом загипсованной рукой, потому что Сара рухнула на него всей тяжестью своей пятой точки. Сама потом ржала, как ненормальная, что ломает жопой пальцы и что в постели с ней парням стоит опасаться за свои причиндалы.

– Как тебя зовут? – спросила Сара, потирая лодыжку.

– М'йкл.

– Слушай, Майкл, одолжи мне, пожалуйста, телефон. Джеймс с ума сойдет, что я так исчезла посреди разговора.

Тот сунул руку в карман кожаной куртки, достал изрядно побитую жизнью Нокию.

Обтер её о рукав на всякий случай, прежде чем отдать.

– Кнопки говно, жми резче, – предупредил он.

Сара набрала номер Джеймса.

– Алло? – отозвался встревоженный голос.

– Это я. Извини, у меня телефон разбился.

– Что случилось? С тобой всё в порядке?

– Ничего серьёзного, перебежала дорогу и угодила под колеса одному симпатичному байкеру, – она подмигнула Майклу.

– Что? – тонким голосом спросил Джеймс.

– Я в порядке, не волнуйся. Кажется, просто потянула связку.

– Где ты? Я за тобой приеду, – взволнованно сказал Джеймс.

– Приезжай сразу к доктору Шерману, я доберусь туда на такси.

– Сара, мне очень жаль...

– Не извиняйся, я сама курица. Увидимся позже.

Она нажала отбой, протянула телефон Майклу.

– Эта твой хахаль? – спросил он, присаживаясь рядом с ней на корточки.

– Бывший. Мы только что расстались. Он чертовски милый, но иногда бывает ужасно консервативным. Майкл, сделай мне одолжение: поймай такси.

– А чё такси, давай я сам, – предложил он.

Улыбка у него была открытая, зубастая. Длинное лицо, длинный нос, широкий тонкогубый рот – определённо не красавец, но глаза с огоньком. Он взял её за ступню, аккуратно покрутил, придерживая за пятку. Сара засмотрелась на его руки. Пальцы чуткие, умные. От них вверх к бедру побежали мурашки, растаяли приятным теплом в пояснице.

– Определённо растяжение, – сказала Сара, подавив легкий вздох удовольствия. – Но сидеть смогу. Подбрось, если не шутишь.

Майкл сидел на диване в приёмной и разглядывал лепной потолок, задрав голову. Клиника доктора Шермана располагалась в старинном особняке в Хэпмстедде. Здесь всё дышало покоем и временем: натертый до блеска тёмный пол в широкую доску, картины в массивных рамах, старинные лампы на бронзовых цепях, тяжёлые дубовые двери с ручками, стёртыми до золочёного блеска. Из-за двери кабинета доносился звучный голос Сары и тихий бубнёж доктора. На антикварном кофейном столике лежали свежие газеты и модные журналы. Майкл полистал парочку, но не нашёл там ничего интересного.

– Подождите там, пожалуйста, они скоро освободятся, – парень со стойки регистрации указал в сторону Майкла невысокой девушке с мальчишеской фигурой. Та кивнула, подошла ближе.

Оказалось – не девушка, но спутать было, как нефиг делать: из-за густых тёмных волос, мягкими крупными кольцами падающих на лицо. А ещё из-за по-девчачьи округлого лица и накрашенных губ. Лет пятнадцать, суший купидончик с открытки.

Купидончик прошёлся взглядом по Майклу, от всклоченных волос до разодранного об асфальт рукава, остановился на исцарапанных мартенсах, приподняв брови, и Майкл спрятал ноги под стул.

– Вы, наверное, тот самый байкер? – уточнил пацан, подходя ближе.

– Точняк. А ты Джеймс, – Майкл встал и поморщился. По рёбрам расплзалась тупая боль: как пить дать, будет синячина на весь бок.

Джеймс тоже поморщился – видать, акцент не понравился – но руку протянул:

– Спасибо, что позаботились о Саре. Как она?

Майкл постарался незаметно вытереть ладонь о штаны, прежде чем ответить на рукопожатие.

– Да всё путём. Ща заштопают и выпустят.

Джеймс вытащил пальцы из его хватки и опустил в кресло неподалёку.

Хорошенький, зараза, ну точно как девчонка. Ещё и кудри эти. Не человек, а картинка. Новенькие замшевые туфли, светлые льняные брюки, легкая рубашка – весь такой новенький, свежий, будто самого только что купили в магазине.

Ему бы в кино сниматься. Майкл прищурился, подбирая пацану роль. Какой-нибудь мелодрамный молодёжный замес, а ещё лучше – комедия: парню приходится прятаться в женской общаге, а чтоб не запалили, он притворяется своей сестрой-близнецом. Сам влюбляется в свою соседку, а в это время за ним ухлестывает капитан университетской сборной по гребле, двухметровый плечистый амбал, которого боится весь курс. Купидончик такой сохнет по своей соседке, но боится признаться, а капитан сборной зажимает его в раздевалке у бассейна и пытается полапать за жопу...

Джеймс кашлянул, неловко улыбнулся и заправил волосы за ухо. Майкл понял, что пялится на него уже несколько минут. Они встретились взглядами. Глаза у Купидончика были голубые, как жаркий августовский полдень. И сердитые. И смущённые, совсем чуток, будто капитан сборной таки успел помять ему задницу.

– Я вроде думал, ты старше, – сказал Майкл, чтобы как-то развеять сгустившуюся атмосферу. Получилось не очень: Купидончик нахмурился.

– Мне восемнадцать, – строго сказал он.

– А, ну тогда извиняй, – Майкл непринуждённо улыбнулся, стараясь не напугать его оскалом. – Выглядишь малолеткой.

Комплимент получился херовый, Джеймс поджал губы и взял журнал со столика: типа, замолкни уже, придурок. Майкл послушал шелест страниц, поглазел на изящные руки и решил объясниться.

– Слышь, Джеймс, я не хотел говорить обидно. Просто не воткнул сходу, как на тебя Сара запала. Девчонки, как она, вешаются на футболистов там или рокеров.

Лучше б молчал.

– Я смотрю, вы хорошо разбираетесь в женщинах, – холодно сказал Джеймс.

– Ну, так... по верхам. Глубоко не суюсь. Кто их поймет, чё им нравится?

– Да уж. Я бы вас не назвал «симпатичным байкером».

– Ну, мож, у неё широкий взгляд на вещи? – Майкл совершенно не обиделся.

– Размером с Ла-Манш, – буркнул Джеймс.

– Я видал Ла-Манш, – с готовностью подхватил Майкл. – У папаши дом под Дорчестером. Пиздец красиво, если в шторм. И без шторма тож круто.

Джеймс поднял голову от журнала.

– Да что вы, – сказал он, будто Майкл похвастался, что пожимал руку принцу Уэльскому. Майкл запоздало сообразил, что красавица наверняка видел Ла-Манш как минимум из Нормандии, и вряд ли его можно этим удивить. Это не Томми с соседней улицы, который в жизни не выбирался дальше окружной магистрали M25.

Джеймс насупился, положил ногу на ногу, откинувшись на ручку кресла. Под краем брюк показалась острая косточка на загорелой щиколотке.

Под потолком тихо шуршал кондиционер, но Майкл заметил, что в приёмной всё равно было жарко. Он отвернулся от Купидончика, встретился взглядом с миловидной девушкой за стойкой регистрации. Встал с места.

– Привет, – он глянул на бейдж у неё на груди, – Ариэль. Это как русалочка?

– Это как у Шекспира, – ответила она и дежурно улыбнулась. – Я могу вам чем-то помочь?

– У Шекспира? Не видал, – сказал Майкл. – Советуешь? Хорошая тема?

Ариэль неуверенно пожала плечами.

– А я Майкл. Как архангел. Знаешь, которого обычно рисуют, как он дракона херачит. Девушка невольно улыбнулась, опустила глаза.

– А ещё он, говорят, райские врата охраняет. Чтоб яблоки не тырили. Хочешь, кстати?

Он вытащил из кармана красное яблоко и положил на стойку. Ариэль смутилась:

– Не надо... что вы!

– Бери-бери, угощаю. Ты ж тут сидишь весь день – ни отойти, ни вздохнуть до вечера. Девушка взяла яблоко, положила перед своим монитором.

– Давай я тебя после работы поймаю, – непринуждённо предложил Майкл и обернулся на часы работы клиники, вывешенные на стенде. – В пять, да? Прокачу до дома.

Ариэль засмеялась.

– Спасибо, Майкл, но я живу в Энфилде, это далеко...

– Да сорок минут всего, – он положил локти на стойку, наклонился ближе. – Соглашайся!.. Чего тебе в электричке полтора часа трястись? В шесть уже дома будешь.

– Майкл, это очень любезно, правда... – она колебалась, катая яблоко в ладонях.

– Я ж просто так предлагаю, – простодушно заявил он. – Без намёка. Не, ну если ты меня потом на кофе пригласишь, то я только за, но я и без кофе подброшу. За поцелуй, – он улыбнулся. – Хочешь?..

Ариэль весело посмотрела ему в глаза и кивнула:

– Хочу.

– Тогда в пять, – Майкл стащил у неё чистый листок для заметок, написал номер, – это мой телефон, если передумаешь. До встречи.

Майкл вернулся на прежнее место. Купидончик проводил его недоверчивым взглядом, опустив журнал.

– Слышь, Джеймс, ты Шекспира смотрел? – шёпотом спросил Майкл, чтобы у стойки не было слышно. – Кто такая Ариэль, не в курсе?

Тот сморщил нос, но ответил:

– Дух воздуха в пьесе «Буря».

– Понятно. А русалка тогда при чём?..

Джеймс смотрел на него молча, хмурился. Майкл ждал ответа и тоже молчал.

– Перестань на меня глазеть, – наконец сказал Джеймс.

– А чё, нельзя? – удивился Майкл.

– Нельзя.

– А чё нельзя?

– Не "а чё", а "почему", – раздражённо поправил Джеймс.

– И почему? – не смутился Майкл.

– Потому что это бестактно. И неприлично.

– Неприлично на улице хером размахивать, – серьёзно сказал Майкл.

– Мне неприятно, – Джеймс сердито покраснел и облизал губы.

Майкл отвёл взгляд, отодвинулся.

– Ладно, – буркнул он. – Так бы и сказал, что не знаешь.

Тот не успел ответить: Сара, прихрамывая, вышла из кабинета, держа в руках туфли.

Её ступню туго охватывал эластичный бинт, оставляя открытыми только пальцы. Джеймс упруго вскочил ей навстречу. Майкл тоже поднялся, незаметно попятился, чтобы попасть в струю холодного воздуха из-под потолка. Лицо горело, будто он проехался им по асфальту.

– Спасибо, что приехал, – Сара обняла Купидончика, приятельски чмокнула в щёку и повернулась к Майклу. – А тебе спасибо, что подвёз. Эй, ты что такой красный? Ты в порядке?

– Да пекло тут, блин, а я в защите, – он непринуждённо улыбнулся, уперев руки в бока. – Жарища.

Кондиционер, сволочь такая, вообще не помогал.

– Что сказал доктор Шерман? – спросил Джеймс.

– Покой, покой и ещё раз покой, – Сара закатила глаза. – Ничего нового.

– Я помогу тебе дойти до машины, – Джеймс обнял её за пояс и заметно пригнулся, когда она привалилась к нему. Они сделали несколько шагов к выходу.

– Дай я, – сказал Майкл, глядя на эти мучения. Не дожидаясь разрешения, вклинился между ними, оттеснил Купидончика и подставил Саре своё плечо, крепко обхватив её за талию.

На парковке перед клиникой стояла ультрамариновая Ауди с открытым верхом. Солнце облизывало её блестящие бока, метко посылая яркие блики прямо в лицо. Джеймс поспешил вперёд, пока Майкл помогал Саре преодолеть три ступеньки у крыльца, открыл пассажирскую дверь. Сара плюхнулась на сиденье, со стоном вытянула ноги.

– Офигеть тачила! – выдохнул Майкл. – Можно пощупать?

Джеймс уже успел надеть солнечные очки и сесть за руль, так что Майкл не видел, закатил тот глаза или нет. Наверняка ведь закатил.

– Ты шмотки забыла, – спохватился Майкл. Сбегал в приёмную, забрал оттуда многочисленные пакеты и сгрузил их в багажник. На прощание ласково провёл рукой по идеально гладкой поверхности. Металл тепло поцеловал кончики пальцев.

– Майкл, что бы я без тебя делала? – спросила Сара.

– Так известно чё, дома бы уже в зеркале крутилась.

– Ты такой милый, это даже заводит, – она потянулась к нему обеими руками, он нагнулся, чтобы получить короткое объятие и звонкий поцелуй в щёку. – Оставь мне телефон, – она порылась в сумочке, выудила смятый чек и карандаш для губ.

Джеймс нетерпеливо вздохнул, забарабанил пальцами по рулю.

– ...два... пять... Майкл, – она жирно подчеркнула имя. – Я тебе позвоню. Выпьём кофе как-нибудь.

– Без проблем! – тот улыбнулся так естественно, будто роскошные девчонки каждый день звали его выпить кофе. Взглянул на Джеймса, дёрнулся было протянуть ему руку на прощание – но решил, что тот не ответит, и взъерошил волосы. Когда Ауди плавно выкатилась за ворота, пнул вслед камешек с дорожки и отправился отцеплять мотоцикл от парковочного столба.

– Майкл! Ты закончил с подвеской? – Отец зашел в мастерскую, вытирая руки ветошью.

Майкл выглянул из-под колес лендровера:

– Надо на ходу проверить, кажись стабилизатор люфтует.

Он был копией отца, только копией странной. Кристофер в молодости был писанным красавцем, да и сейчас не растерял обаяния, годы только прибавили ему стати. Хотя, какие там «годы» – всего сорок пять.

У Майкла было такое же вытянутое лицо и тёмно-серые глаза, такой же прямой рубленый профиль и тонкий широкий рот. Только если у отца все это было подогнано и прилажено друг к другу, то лицо Майкла было из сплошных углов и квадратов, будто боженька на полдороге устал, вышел покурить, да так и забыл закончить работу. Только профиль и был хорош.

Впрочем, Майкл своей некрасивости не стеснялся. Клеить девчонок она ему не мешала – харизма и наглость отлично работали даже без смазливой мордочки.

– Я займусь, – сказал Кристофер и ткнул пальцем себе за спину. – Там ещё один Купер приехал. Разберись.

Майкл резво выкатился из-под джипа и встал, отряхивая руки.

Он крутился в отцовской мастерской, сколько себя помнил. Сначала просто болтался рядом, подавал инструменты, таскал горячие обеды и глазел, потом начал вникать в процесс. Лет с четырнадцати был уже полноценным помощником.

Автомастерская располагалась в трёх шагах от дома, на соседней улице, притулившись между старым заколоченным складом из красного кирпича и плешивой лужайкой. Вывеску исхлестало дождями, кое-где буквы поплыли, но Кристоферу на рекламу было плевать: за двадцать лет он набрал клиентуру и репутацию, его адрес кочевал по записным книжкам, передавался из рук в руки.

- Здравсте, мэ, – Майкл остановился возле свеженького мини-купера скромной расцветки, с обаятельными белыми полосками на капоте. Благообразная старушка в платке, из-под которого выбивались седые кудри с лиловым отливом, стояла рядом с машиной и курила. – Резвая у вас машинка.

– Внучка подарила, – та дружелюбно улыбнулась, сбрасывая пепел. – Полгода не прошло, как что-то застучало.

Майкл открыл капот, окинул взглядом переплетение проводов и металла.

– И масла небось жрёт, как не в себя?

– Точно.

– Как стучит? Стрекочет, цокает, щёлкает?

– Грохочет минуты три после старта, а как прогреется, всё тихо.

Майкл для верности попросил старушку завести мотор, прислушался к характерному звуку.

– У Куперов это частая хрень, мэ, – Майкл махнул рукой, что можно глушить. – Цепь растянулась. Поправим, тока глядите потом за маслом. И берите пожиже, а то цепь, когда перегревается – ползет, как резиновая, затрах... затраты на ремонт, вообще, не кислые будут.

Старушка вздохнула, вылезла из машины.

– Когда сможете сделать?

– Надо движок вскрывать, – он пожал плечами. – Черканите номерок, я с отцом переговорю.

В кармане завибрировал телефон, Майкл извинился и отошел в сторону.

– Привет, Майк! Как делишки?

– Сара! Офигеть! – он обрадовался, услышав веселый голос. – Уже бегаешь, как коза?

– Ползаю по дому с тросточкой, как тётя Агата, – она хохотнула. – Ты не занят сегодня вечером?

– Не, после работы балду пинаю.

– Заезжай ко мне, как освободишься, потусим с моими ребятами.

– Чё за туса?

– Чудесное спасение из-под колёс железного чудища, – она засмеялась. – Приезжай, будешь героем дня.

– Давай, – он сунул руку в карман рабочих джинсов, нашарил замусоленный икеевский карандаш и подошёл к кирпичной стене мастерской. – Адресок диктуй, записываю.

На обед они не закрывались. Майкл сидел на старом деревянном верстаке, где хранились банки с краской и разная хрень, нужда в которой возникала только раз в год. Тыкал вилкой в пластиковый контейнер с макаронами.

– Значит, в гости идешь? – спросил Кристофер, открывая термос с супом.

– Ага, – сказал Майкл с набитым ртом. – Это Сара. Помнишь, я те говорил, что девчилу сбил, когда с курсов ехал. Вот это она.

– А что брюнетка твоя, Ариэль? Уже не встречаешься?..

– А её Бран увёл, – равнодушно сказал Майкл, качая ногой. – Ты ж знаешь, у него всё прям горит, когда он новую девчонку видит.

– И не жалко тебе?

– Кого?

Кристофер усмехнулся:

– Её. Или себя.

– Да пусть забирает, – Майкл пожал плечами. – Я ещё найду.

Кристофер вынул из шкафчика в дальнем углу чистую ложку, подышал на неё, потёр о спецовку, спросил:

– Что там на курсах нового?

– Да ничё нового в этот раз. Они прыжки отработывали, я это и так умею. Вот через год пойду к ним нормально учиться, а не так, издаля подглядывать – тогда толк будет.

– Ясно.

Кристофер налил суп в объёмную кружку, шумно отхлебнул.

– В марте отборочный тур на мотокросс будет, – пробубнил Майкл. – Последний раз скатаюсь – и всё, в июне учиться пойду.

– Ну, дай бог, – сказал Кристофер. – Кстати, тут на днях твой приятель заглядывал. Индри.

– Нихера он не приятель, – буркнул Майкл. – Он мне травку толкать предлагал. Я чё, больной с этим связываться?

– Говорит, за ум взялся. Работу какую-то нашёл в Ливерпуле.

– Да мне похер. Хоть на Луне.

Майкл выскреб макароны, собрал пальцем соус и облизал.

– Я с дурью не связываюсь, – заявил он. – Ну чё, будем Купер потрошить?..

Джеймс давно не чувствовал себя настолько отвратно. Он как будто разделился на двух Джеймсов – один острил, опрокидывал в себя мартини один за другим и

развлекался на полную катушку, а второй мечтал о том, чтобы свалить с этой тупой вечеринки, свалить навсегда, с концами, забыв даже дорогу до этого проклятого дома.

Но свалить не позволяла гордость. Если он даст слабину, все будут показывать пальцем и перешёптываться. Так что пусть Сара видит, чего лишилась. Пусть кусает локти. Пусть знает, что для него эти отношения были таким же пшиком, как и для неё.

Шесть месяцев коту под хвост! Именно в тот момент, когда он только решил, что у них всё серьёзно! После того, как она сама — сама его добивалась!..

Джеймс всегда был примерным ребёнком, слушался маму и папу. Блестяще закончил частную школу, играл в теннис, танцевал, плавал, играл на рояле — не человек, а лимитированный «Конструктор хороших мальчиков» с дополнениями. При такой занятости на девочек времени почти не оставалось.

У Сары была репутация особы без комплексов, не склонной к длительным связям. Поначалу Джеймса насторожили её знаки внимания. Да и вообще они знали друг друга с детства. Если бы у Джеймса была сестра, и если бы эта сестра вдруг начала строить ему глазки, он был бы точно так же шокирован.

Сначала он думал, что Сара просто с кем-то поспорила, что затащит его в постель — это было бы вполне в её духе. Счет её бывших шёл на десятки. Потом он подумал, что она решила угомониться, взяться за ум, и выбрала его, потому что он не был похож ни на кого из её типичных ухажёров. Сара западала на высоких, крепких парней без претензий.

Джеймс сдался не сразу. Ему претило коллекционировать победы, как это делали почти все в их окружении. Ему не нужен был секс без обязательств. Он хотел долгой красивой романтики, свиданий, прогулок за руки. Близости ума и сердца, а не гениталий. Но Сара была настойчивой, как кредитор, и, в конце концов, Джеймс уступил.

Идиот!

Надо было догадаться, что с ним всё будет точно так же, как и с другими! Она наигралась, заскучала, остыла — и предложила ему «для разнообразия» попробовать секс втроём.

«Ты бы отлично смотрелся с другим парнем! Я так и представляю...»

Он не ударил её только потому, что девушек бить нельзя.

И вот — всё кончено. Она предложила остаться друзьями. Пригласила на вечеринку этого козла с мотоциклом. Такой точно прыгнет в постель с разбега, его даже просить не придётся.

Джеймс чувствовал себя, как оплётанный. Мало того, что Сара его бросила — это ещё можно было как-то пережить — но ради кого!.. Ради гопника, который двух слов связать не может?..

До тех пор, пока Джеймс не увидел этого придурка на вечеринке, он даже испытывал некоторое чувство вины и собирался предложить Саре дать отношениям второй шанс. Всё-таки он отчасти был виноват в том, что она угодила под колеса. Если бы он не поссорился с ней, если бы вёл себя тактичнее, этого бы не случилось.

Но стоило Джеймсу увидеть, как Сара обнимается с этим чучелом, чувство вины испарилось, будто приглаженное раскалённым утюгом. За первым мартини последовал второй, затем третий. Обычно Джеймс практически не пил, но тут его просто сорвало. Он с кем-то танцевал, с кем-то обнимался, кого-то целовал — очнулся только, когда увидел перед глазами черно-белый ряд клавиш.

Машинально пробежал по ним пальцами, сыграл джазок. На звуки рояля подтянулся народ, благосклонно похлопал, попросил ещё. Джеймс не стал отказываться. Бездумно сымпровизировал для Глории — у неё на днях должен был выйти новый альбом, и она

ухватилась за возможность подогреть интерес. С каждой новой песней аплодисменты и крики «Браво!» становились всё громче. В какой-то момент Джеймсу показалось, что он услышал голос Сары, поднял глаза.

Она стояла в первом ряду, прислонившись спиной к своему новому приобретению, и хлопала изо всех сил. Мотоциклетный придурок не хлопал — стоял, как столб, с потусторонним выражением лица. Что бы он понимал в музыке!..

— Где ты все это прятал, когда мы встречались? — задорно спросила Сара. — Я уже хочу тебя обратно!

Джеймс развернулся на крутящемся табурете, вздёрнул подбородок

— Прости, дорогая, уже слишком поздно. Давай без сцен, просто останемся друзьями.

Сара рассмеялась — она была не обидчивой.

— Кроме того, ты ведь уже не одна, — Джеймс кивнул ей за спину. — Хоть и жаль, что сейчас вкус тебе изменил.

— Джеймс!.. А знаешь, таким ты мне намного больше нравишься! — Сара почему-то обрадовалась, а вслед за ней разулыбалось и чучело — будто услышало шутку про ирландский бар и епископа. Что-то кольнуло Джеймса, он вскочил, как пружинка, шагнул вперёд, доверительно заглянул чучелу в лицо.

— Как моему преемнику, должен тебе сказать — с ней придётся нелегко. Ловить её по клубам — та еще задачка.

Чучело уставилось на него с полным непониманием на лице.

— Ох, да, вряд ли ты справишься, — спохватился Джеймс. — Тебя же завернут на фейс-контроле с такой физиономией.

— Джеймс, ты перебрал? — Саре стало не до смеха, но Джеймса уже несло во все поля.

— Это же дружеский совет! — он шагнул к ним еще ближе. — Мы ведь все здесь друзья, правда? Скоро и он войдёт в широкий круг твоих «давай останемся друзьями».

— Эй, Джаймс, ты б остыл, — сказала чучело со своим зубодробительным акцентом.

— Я тебе не «Джаймс», — яростно прошипел тот. — Купи плакат с алфавитом для первоклашек — удивишься, сколько там найдётся новых букв!

— Ты точно перебрал, — серьёзно сказала Сара. — Иди-ка на воздух.

— Это я перебрал?.. - Джеймс чувствовал себя злым и весёлым, будто балансировал босиком на острие ножа. — А сколько ты выпила, чтобы позариться на такого крокодила? Тебе экзотики захотелось? Свиданий у мусорных бачков?

— Джаймс, кончай, — чучело взяло его за плечо и легонько потрянуло. — Уже лишнего наворотил.

Джеймс сбросил его руку — он смотрел только на Сару. Та выглядела растерянной.

— Слушай, я всё могу понять, ты современная девушка... — быстро заговорил он. — Ещё не все задницы перещупала... Но как ты могла променять меня — на это страшилище?.. Где твои глаза? Да где хотя бы твои мозги? — воскликнул он. — Хотя, что это я. Ты ведь его в постель потащишь не о кинематографе говорить. «Кинематограф», — Джеймс развернулся к чучелу, — это такое слово, обозначающее...

— Захлопнись, — перебил тот.

Джеймс отвернулся, смеясь, и вдруг резко, с разворота ударил чучело в зубы. Тот даже не успел отдёрнуть голову — видимо, не ожидал, что Джеймс окажется таким резвым. Удар вышел мощным, как идеальная «свеча», посылающая теннисный мяч высоко над сеткой, чтобы противник не смог даже допрыгнуть. Костяшки пальцев вспыхнули болью, но Джеймс стерпел, даже не скривился. Страшилище медленно поднесло руку ко

рту и удивленно потрогало губы.

— Таким я тебе больше нравлюсь, да? — яростно спросил Джеймс. — Вот таким?

Второй удар вышел еще красивее — левой, размашистым кроссом от плеча, в эту дебильную рожу, сминая некрасивую улыбку на тонких губах.

Ответ прилетел быстро, Джеймс даже не заметил мелькнувший кулак, только пол вырвался из-под ног и врезался в спину, выбив воздух из лёгких. Из-под челюсти по лицу разлилась боль, но это было не так уж и страшно — в фильмах драки выглядели куда зрелищней. Кто-то бросился их разнимать, но чучело — да как же его звали, черт возьми? Мэтью? Маркус? Майлз? — уклонилось от протянувшихся рук, схватило Джеймса за грудки и легко подняло на ноги — только для того, чтобы швырнуть в стену.

Навыки игры в теннис, конечно, были очень хороши для того, чтобы эффективно врезать сопернику пару раз, но в настоящей драке они мало на что годились. Джеймс замахнулся опять, но замешкался, не успев восстановить дыхание, и Майлз (или Маркус) поймал его руку в захват, развернул спиной к себе, так что плечевой сустав вспыхнул огнем.

— Хватит! Вы, оба! — Сара схватила своего гопника за плечо, тот замер на секунду — и разжал руки. — Выметайтесь отсюда.

Джеймс постарался выпрямиться с достоинством.

— Приятно было повидаться, — процедил он и развернулся к выходу.

— Крепко бьешь, — сказал Майкл, облизнув вспухшие губы. - Я прям заценил.

Джеймс не ответил — пошатнулся, нашарил рукой колонну и тяжело опёрся на неё. У крыльца было пусто, только фонари горели над входом, разгоняя темноту. В их стекла бились одуревшие мотыльки, шебурша крыльями.

— Дай гляну, — Майкл взял его пальцами за подбородок, повернул лицо к свету. Глаза у Джеймса были мутные. Ну бля, не хватало ещё устроить парню сотрясение. — Голову ведёт? Тошнит?

Тот дёрнулся, но Майкл держал крепко.

— Руки убери, — пробормотал Купидончик. По щеке у него расползлась краснота, обещая вскоре перелиться в красивый синяк, хотя Майкл бы голову дал на отсечение, что бил не в полную силу. Парень просто был пьян, вот и не стоял на ногах. — Я сказал, убери руки.

Кожа у него была нежная, с пушком, который пока даже отдалённо не напоминал щетину. Майкл провёл по красному пятну большим пальцем, собственные руки вдруг показались грубыми, как клешни Катерпиллера. Глупо всё вышло — будто не с соперником сцепился, а щенка пнул. Кулаками махать научился, а извилинами вовремя шевелить — нихера. Нашёл, на кого кидаться. Джеймс был и ростом меньше, и выглядел хлюпиком.

— Зубы-то целы? — небрежно спросил Майкл, прогоняя неловкость.

— Тебе какое дело? — буркнул хлюпик. Зыркнул сердито — глазищи в темноте как синий металлик, такие же, с искрами.

Майкл увидел мелькнувший между яркими губами язык, по щеке прокатился характерный бугорок, когда Джеймс провёл языком по зубам.

— Да никакого мне дела, — Майкл сглотнул и убрал руку. — Не хотел тебе вывеску портить. Но это ж девочки... С ними всегда так.

Джеймс побледнел, вдохнул поглубже — видать, его крепко мутило. И с чего так набрался — с пары коктейлей?

— А у тебя, значит, большой опыт... — Джеймс нервно рассмеялся. — Ладно... Мы

уже, кажется, всё выяснили.

Он отлепился от колонны, покачнулся, стараясь удержать равновесие, шагнул в сторону.

— Эй, куда собрался? - Майкл преградил ему путь.

Купидончик смотрелся зелененьким, как свежий газон. А ещё он с трудом ковылял, того и гляди — завалится, придётся ловить на руки. Хотя, алкоголем от него вообще не пахло — так, угадывалось что-то сладковатое в дыхании.

— Она ща остынет, подыши и херачь назад, — посоветовал Майкл.

Джеймс изумлённо поднял брови.

— Назад? Ты серьёзно? Ты что, не понимаешь... — он запнулся, сглотнул, добавил тихо: — Они там все сейчас обсуждают, какой я неудачник. Ржут, как ты меня успокоил с одного удара. Я туда не пойду.

— Да чё ты разнылся, — Майкл сунул руки в карманы, качнулся на пятках.

Вот же не свезло. Отлупил щенка, герой, выставил пацана на посмешище. С другой стороны, тот сам нарвался. Нет, ну а что ещё было делать — стоять и лыбиться, пока тебе морду бьют? Этого Майкл никогда не терпел, и неважно, кто на него лез — троица парней выше на голову и старше на пару классов, или заморыш с кудряшками.

Ещё не поздно было бы просто развернуться и уехать — не его это дело, не его компания, не его проблемы. Но что-то скреблось в груди и заставляло тянуть время — зачем?

— Чё там, это даже не драка была. Тоже мне, событие.

— Ты не понимаешь. — Джеймс помотал головой. — Да и правда... куда тебе?

Он помолчал, покачиваясь. Добавил почти без враждебности:

— Слушай, мне пора.

— Далеко собрался-то в таком виде? — Майкл не сдвинулся с места, будто прирос. — До первого столба?

Потоптался на месте, хрустнул гравием под ногами.

— Давай подвезу. Далеко живёшь?

— Что? — переспросил Джеймс. — В смысле... Ты хочешь меня отвезти домой?

— Не хочу, чтоб ты от асфальта отскребали, — хмуро сказал Майкл. — Херовая идея — за руль пьяным садиться. Или наебнёшься, или штрафанут, а то и права просрёшь.

— Без тебя знаю... — Джеймс вздохнул и раздражённо дёрнул плечом. — Надо, наверное, такси вызвать.

— Да чё ты будешь разоряться, — Майкл пнул камешек на дорожке. — Пока дозвонишься, пока они доползут, ты уже сто раз дома будешь. Те в какую сторону?

Джеймс провёл рукой по карманам.

— Блин. Я там мобильник оставил.

Он растерянно обернулся к дверям, посмотрел на Майкла.

— Ладно, крокодил... поехали... Раз ты такой великодушный. Обойдётся она один вечер без новой игрушки.

Майкл широко улыбнулся.

— Вот и молоток, — не удержался-таки, приятельски хлопнул по плечу: — Стой тут. Подцеплю тебя через минуту.

Быстрым шагом обогнул дом, похвалил себя за то, что не стал загонять мотоцикл в подземный гараж, а оставил у стены дома. Завелся с рокотом, вырулил к крыльцу и остановился вплотную к Джеймсу.

Хотел было предложить ему сесть назад, но представил, как к спине прильнет чужая грудь, а руки обхватят за пояс... Э, нет.

— Садись вперёд, — он сдвинулся, освобождая место перед собой. — А то ебнёшься на полпути, по кустам тебя потом собирать.

Джеймс не без труда перекинул ногу через сиденье, поёрзал, устраиваясь.

— Ты только не гони, ладно?

— Я с десяти лет вожу, не ссы, Джеймс, — он подцепил носком ботинка тормозной стопор, со щелчком откинул его назад. Ладони привычно легли на руль, он перехватил его пальцами поудобнее. Пришлось сдвинуться назад, чтобы дать место Джеймсу, и тянуться теперь приходилось дальше, непроизвольно прижимаясь к парню грудью и животом. От его волос чертовски вкусно пахло каким-то шампунем.

Майкл хлопнул Джеймса по бедру:

— Ставь ноги на подножки.

Сжал его коленями, тронулся с места, медленно выкатился за ворота. Дорога была пустой, хорошо освещенной.

— Так куда двинулись? — спросил Майкл, наклонившись к уху так близко, что едва не задел губами.

— Виктория роуд, шестнадцать. Это возле Кенсингтона, — выдохнул Джеймс. Наверное, пытался показать, что делает одолжение: мол, ты, зубастый хмырь, ещё спасибо мне должен сказать, что я разрешаю себя подвезти. Но вышло как-то не снисходительно, а наоборот. — Чёрт, голова кружится...

— Кенсингтон, — повторил Майкл. — Ага. Видал, козырное место.

Джеймс привалился головой к его плечу, и Майкл едва не упустил руль — пальцы на мгновение ослабли.

Он ехал медленно, гораздо медленнее, чем привык — миль сорок в час, не больше. Во-первых, чтобы встречный ветер не бил в лицо, потому что Майкл нахрен забыл надеть шлем, и это было с ним впервые за много лет. Во-вторых, голову отчего-то вело, будто он сам как следует выпил.

Час был поздний, машин было немного. Майкл обогнул Хайгейтское кладбище, нырнул в переплетение тихих улочек, ползущих к центру. По дороге сделал остановку, чтобы перехватить льда в индийской лавчонке. Льда там не оказалось, зато нашелся пакет замороженной кукурузы.

— Приложи к морде, — он протянул пакет Джеймсу. — Синяк быстрее пройдет.

— Что это? — тот нерешительно взял мокрую от конденсата упаковку.

— Вместо льда. Давай, во так, — он подтолкнул Джеймса под локоть, тот ойкнул и отдернул руку:

— Холодно же!

Майкл терпеливо вздохнул, снял мотоциклетную куртку, рывком через голову стащил футболку.

— Ты что делаешь? — опешил Джеймс.

Майкл завернул ледяной пакет в футболку, приложил к щеке:

— Держи. Нормалёк?

Джеймс моргнул, потянулся к лицу и накрыл его ладонь, явно уже плохо соображая, чё творит. Хрипло кашлянул — видимо, в знак согласия.

— Во, так и держи, — невозмутимо сказал Майкл.

Пальцы у Джеймса дрожали, вряд ли он бы сейчас удержал даже мороженое. Он смотрел Майклу в глаза, машинально кусая губы.

— Ну, чё зыришь? — неловко спросил тот, повёл голыми плечами. — Проверенное средство, я сто раз делал.

Джеймс молчал, глаза были растерянными. Майклу казалось, что несчастная

кукуруза сейчас расплавится под ладонью. Ему самому бы не помешало приложить куда-нибудь что-нибудь холодное. Желательно — к голове.

До Кенсингтона добрались через полчаса. Майкл остановился у кованых ворот с табличкой «16». Через невысокий забор был виден просторный двухэтажный дом. В окнах горел свет, по шторам скользили тени.

— Кучеряво живёшь, — одобрительно сказал Майкл. — Давай, вали. Накати с утра аспиричку, чтоб голова не болела.

Джеймс привалился к нему, чтобы перекинуть ногу через седло. Волосы мазнули Майкла по лицу — как шёлковой лентой по губам прошлись.

— Спасибо, что подвёз.

— Нахер иди уже, — грубовато ответил тот. — Не снял котёнка с дерева — считай, день прожил зря.

Джеймс дошёл до калитки, набрал код, обернулся:

— Слушай, — он бледно улыбнулся, держась за прутья решетки. — Я не помню, как тебя зовут?

— М'йкл, — буркнул тот, уводя глаза на дорогу. В груди было горячо. Прежде чем Джеймс успел сказать ещё что-то, он выкрутил газ и рванул с места, вспарывая ночную тишину рёвом двигателя.

Майкл давно уже перерос свой скрипучий диван. Если бы не старые лысые покрывки, накрытые куском фанеры, ноги торчали бы над полом на целый фут.

Солнце шпарило в просвет между занавесками, высвечивая серые полосатые обои и журнальные постеры, прищипленные к стене, чем под руку попадётся: кнопками, булавками, скотчем, жвачкой. Там был портрет Кэри Маллиган, вырезка из журнала с Эллен Пейдж, фото легендарного Майка Хэйлвуда, листовки прошлых и будущих мотогонков. Между ними вразнобой висели награды — три золотых и две серебряных медали на широких шёлковых лентах, дюжина дипломов в рамках под стеклом.

Майкл перевернулся на спину, сонно вздохнул, просыпаясь. Утренний стояк прижимался к животу, приподнимая резинку трусов. Майкл сунул руку под одеяло, лениво погладил напряжённый ствол, не открывая глаз. Мысли сами потянулись к Саре.

Красивая, конечно. Фигуристая блондинка — задница как по лекалу вычерчена, грудь торчком, на талию руки сами тянутся. Целуется так, что дураку ясно — не скромница. Вот только на поцелуях вчера все и закончилось, потому что Купидончику приспичило влезть и обломать намечающийся секс.

Думать о Саре было приятно, но энтузиазм не просыпался. Всё-таки слишком фигуристая, вот ей бы грудь меньше на два размера, бедра поуже... Майкла заводили девчонки невысокие, тонкие, тёмноволосые, а если ещё и с короткой стрижкой, то вообще отпад. Сара была им полной противоположностью: высокая блондинка с полными бедрами, мягкая везде, за что ни возьмись.

Майкл рассеянно перебирал в памяти лица вчерашних гостей, машинально поглаживая член. Та миниатюрная мулаточка была очень даже неплоха. И рыженькая с короткой стрижкой — как там её, Таис? Кажется, была еще какая-то отпадная брюнетка...

Кто-то точно был, потому что Майкл вчера вернулся домой, охреневший от возбуждения, но с чем его связать, было неясно. Может, поцелуи с Сарой были виной, а может, тесные джинсы.

Вот интересно, кстати, как Купидончик продержался с ней полгода?.. По нему не скажешь, что резвый. Хотя кто его знает, может, у него полно скрытых талантов. Может, отсасывает хорошо. То есть, не отсасывает, конечно, а наоборот. Ну, не совсем наоборот, а вот это, что с девчонками делают.

На самом деле и правда было любопытно, что там Сара в нем разглядела. Они же вместе, как две девчонки должны смотреться. Особенно если Купидончика в юбку нарядить. Майкл представил и аж залюбовался. Вот был бы девкой — чёрта с два бы Майкл его вчера за спасибо до дома довёз. А может, и вообще домой не повёз бы — ночи-то тёплые, можно пошляться где-нибудь до утра, хоть по улицам, хоть по набережной, а в пять часов, как светать начнёт, поехать на Примроуз Хилл и оттуда смотреть, как просыпается город.

Надо спросить, может, у него сестра есть?.. Главное, чтоб такая же. И чтоб не младше, ну, чтоб ей не пятнадцать было, а то это ж ёбнуться можно будет — ходи за ними обоими и слюни подбирай, а руки тянуть нельзя.

Волосы у Купидончика вчера пахли какой-то приятной хренью, то ли цветочками, то ли индийскими благовониями из тех, что продаются в разноцветных жестяных коробочках. Ставишь такую пирамидку, поджигаешь, а от неё струится сладкий дымок. Купидончик наверняка любит такие штуки, раз от него так пахнет.

Смешно оказалось, что он губы не красит — они сами такие яркие. Наверняка ведь

дразнят все, кому не лень. А он и врезать толком никому не может. Ну, ладно, пару раз может, конечно, но толку-то? Он же лёгкий, как воробей, его пальцем ткни — улетит нахрен.

Зато глаза красивые. Это уж Майкл вчера как следует рассмотрел, пока стоял, как дурак, с этой кукурузой, а Купидончик на его голые плечи пялился. Завидовал наверняка. Сам-то тонкий.

Плечи у Майкла были в шрамах. Не так чтоб сплошь, конечно, но жизнь следы оставила — где на гонках навернулся так, что руку спицей насквозь пропорол, где кастетом по рёбрам получил, где кость сломал неудачно. Что-то само заживало, как на собаке, что-то штопать пришлось. Майкл не стеснялся и не красовался: жизнь есть жизнь, чё тут сделаешь.

Вон Купидончик наверняка гладенький, если раздеть, одни только веснушки и родинки. Копытце у него загорелое было — наверняка летом в теплые края улетает, валяется себе на пляже, сосёт коктейльчики. Кожа от солнца горячая, прикоснешься ладонью — обжечься можно.

Майкл глубоко вдохнул и понял, что сейчас кончит — руку-то с члена не убирал.

В общем, неловко вышло. Чё там Купидончик говорил — бестактно? Во, оно самое. Бестактно дрончить на другого парня, короче. Невежливо. Майкл, естественно, был не виноват — само получилось. Он вообще про Сару думал сначала, просто мысли как-то не туда съехали. Прямо хоть звони и извиняйся.

Майкл вытер живот футболкой, в которой спал, и скинул одеяло.

С кухни тянуло жареным беконом. Когда Майкл спустился, Кристофер стоял у плиты, следя за раскалённой сковородой и краем уха слушая новости по телевизору, стоявшему на холодильнике. Телевизор был повернут экраном к стене: кроме белого шума, он уже давно ничего не показывал, а вот звука не потерял, так что Кристофер использовал его вместо радио.

В будние дни они с Майклом всегда завтракали вместе — мать была учительницей начальных классов и уходила рано, чтобы успеть на автобус. А они были сами себе хозяева и открывали автомастерскую не раньше девяти.

— Ты вчера рано вернулся. Вечер не задался? - Кристофер разбил яйца в сковороду.

— Выставили, — Майкл толкнул отца плечом в знак приветствия и прошлёпал к холодильнику. Взял с дверцы пакет холодного молока. — Подрался.

Тот оглянулся через плечо, изучил неповрежденную физиономию.

— А по виду не скажешь.

— Да нечем гордиться, — Майкл пожал плечами, поставил на кухонный стол масло и джем, кинул хлеб в тостер.— Сара своего бывшего позвала, а он меня увидел и расстроился. Мы и начать-то не успели — она обоих выгнала.

— Не распускал бы руки в приличном доме. Соображать надо.

Майкл шумно вздохнул, имея в виду «не я первый начал».

— Думаешь, больше не позовёт? — спросил отец, выключая газ на плите.

— А кто её знает.

Отец поставил на стол две тарелки. Майкл взял вилку, выковырял хлеб из тостера. Таймер там давно уже полетел, так что следить приходилось по старинке, с часами.

— Я бы на твоём месте позвонил и извинился, — сказал Кристофер.

— Да не за что мне извиняться, — хмыкнул Майкл.—По-моему, она просто бывшего позлить хотела.

Кухня была маленькой, вдвоём едва повернёшься. На холодильнике — наклейки с

мотоциклами, круглые нашлёпки от бананов и яблок. Мотоциклы туда, понятное дело, лепил Майкл, ещё в школе, когда своего байка и в помине не было. Окно возле раковины, задёрнутое занавеской, выходило на задний двор, а оттуда через улицу виднелась кирпичная стена склада и вывеска автомастерской.

Майкл подвинулся, чтобы Кристофер уместился за шатким столиком, не вставая, дотянулся до чайника и налил кипяток в кружки.

— А помнишь Эвана? — спросил Майкл, макая хлеб в яичный желток.

— Конечно. А что ты вдруг спросил?

— Да так просто... — Майкл пожал плечами. — Иногда думаю, как он там.

Копаясь с мотором Купера, Майкл уже и думать забыл про Купидончика. Тот напомнил о себе сам — позвонил.

— Алё, — сказал Майкл, залезая под машину. Чтобы подобраться к нижнему креплению цепи, пришлось снять правое переднее колесо, и он уже успел как следует вымазаться, так что трубку пришлось держать плечом.

— Майкл? — в ухе раздался сиплый голос.

— Ага.

— Это Джеймс. Тебе... сейчас удобно разговаривать?

— Ага, — болты наконец поддались, он шумно выдохнул, подлез к ним пальцами и скрутил все три, ловя их в ладонь.

— Ты точно не занят? — неуверенно уточнил Джеймс.

— Нормуль, — Майкл выпрямился, отложил крепление в сторону. — Одна девчонка вчера пригнала свою машинку на предмет чё у неё стучит в передке. Ковыряюсь вот.

— Девчонка, — повторил Джеймс.

— Ага, ещё и симпатичная. Было бы ей на триста лет меньше, я бы вдул.

— Прости?..

— Кстати, про тебя как раз думал сегодня, — непринуждённо сообщил Майкл.

Джеймс кашлянул.

— Что-нибудь хорошее, я надеюсь?

Майкл усмехнулся.

— Ну чё, сам как? От предков не влетело, что вчера на бровях вернулся?

— Слушай... Майкл.

— Ага.

— Извини меня, пожалуйста, — быстро заговорил Джеймс. — Я вчера наговорил тебе ужасных вещей. Я выпил, а меня всегда быстро развозит... Это было очень некрасиво, мне очень жаль. Ты совершенно не виноват, что Сара такая... влюбчивая.

— Да ладно, — удивлённо ответил Майкл.

Джеймс вздохнул.

— Просто мне казалось, что у нас с ней всё серьёзно, а тут вдруг ты... Я не должен был на тебя срываться. Мне ужасно стыдно, что я на тебя набросился, что наговорил тебе... всего этого... про внешность, и... про акцент, и... Прости.

— Да чё ты, — смущённо сказал Майкл. — Я уже и забыл.

— Слушай, если я могу для тебя что-нибудь сделать, чтобы все это загладилось, ты только скажи. Что угодно. Хочешь... выпить сходим?..

— Да я не пью, — растерянно отозвался Майкл. — Я ж всегда за рулем. Джеймс, да забей. Ну, спасибо, что звякнул, но мы тут «доброе утро» говорим резче, чем ты наезжаешь.

Джеймс нервно рассмеялся. Сейчас точно решит, что он такой лох, что даже муху

обидеть не может.

— Джаймс, забудь, правда, — торопливо сказал Майкл. — Мы вчера всё решили. Я без обид. Не надо ничего заглаживать.

— Майкл, и всё-таки... Мне неловко, что я на тебя набросился.

Тот хмыкнул.

— Ну, если не шутишь, есть у меня одна идея.

— Я не шучу.

— Можно твою тачилку погонять?.. — Майкл чуть не облизнулся, вспомнив обтекаемые ультрамариновые бока, которые так и хотелось полапать.

— Конечно, — легко отозвался Джеймс. — Хочешь прямо сейчас? Куда мне приехать?

— Эй, не шутри, я просто спросил.

— Я согласен. Давай встретимся.

— Сегодня? — осторожно спросил Майкл.

— Хорошо.

— Часов в шесть?..

— Я свободен.

— Пересечёмся у входа в парк? Я помню, где ты живёшь.

— Договорились.

— Майкл! — позвал отец из мастерской. — Что там с цепью?

— Слушай, красотуля, мне пора работать. В шесть у парка. Бывай.

Сара позвонила через час — и тоже с извинениями. Пригласила выпить кофе.

— Ты сегодня нарасхват, герой-любownik, — добродушно хмыкнул отец.

— Это Сара. Помириться хочет.

— А сегодня у тебя кто?

Майкл вдруг замялся и сам не понял, с чего.

— Да так... приятель.

Они встретились у ворот Кенсингтон Гарденс. Майкл издали заметил синюю Ауди. Блестящая, как облизанный леденец, шустрая, лёгкая. Такую саму трахнуть хотелось.

— Куда поедем? — спросил Джеймс, перебираясь на пассажирское сиденье.

— Есть одно местечко за городом, — Майкл кинул в багажник рюкзак, сел за руль. Тот был обтянут темно-серой кожей, наощупь упругий и твёрдый, как хорошо надроченный член.

Майкл вырулил из парковочного кармана, влился в поток машин. Покосился на Джеймса.

Тот был в светлой рубашке с короткими рукавами и песочного цвета штанах. Грудь наискосок пересекал широкий страховочный ремень, на носу сидели солнечные очки в изящной золотистой оправе. Жалко, глаз было не видно.

— Ты на автомате водишь? — спросил Майкл.

— Да. Так удобнее.

— А я больше на механику западаю, — Майкл опустил ладонь на рычаг переключения передач, погладил шершавую ручку большим пальцем. — Люблю чувствовать, как машина слушается. Не против?..

— Разве можно переключаться на ходу?

— У тебя тут триптроник, с ним всё можно. Он всё равно — одна имитация. Типа, как секс с резинкой — и похоже, и безопасно.

Джеймс пожал плечами.

— Ну, если безопасно...

Майкл оставил на руле одну руку, обхватив рычаг пальцами. Пока они ехали по городу, утыканному светофорами, всё равно приходилось постоянно переключаться.

— Я тя как-нибудь покатаю на машине с нормальной коробкой. Разница — вот такая, — Майкл на мгновение развёл руки, будто рыбак, отхвативший отличную форель.

— Автоматику придумали, чтобы упростить жизнь.

— Знаю, знаю. Посудомойки и холодильники тоже. Я ничо не имею против прогресса, но кое-где котелок на плечах не заменит никакая электроника.

— У электроники выше скорость реакции, — возразил Джеймс.

— Ага, а обсчёт ситуации - херовый. Слишком много факторов. У меня дружбан есть, Браном зовут. Он в искусственном интеллекте шарит, — Майкл покрутил пальцем возле виска. — У мозгов, говорит, вычислительная способность охеренная, даже когда данных мало. Или когда их много, но они все разные, а надо связь найти. Ну вот, например...

Майкл пошарил глазами вокруг, подыскивая подходящий пример. Самый подходящий сидел по левую руку от него и внимательно слушал, покусывая красные губы.

— Ну вот ты, — сказал Майкл. — Вот чтоб я тебя воспринял, нужно же инфу взять, да? А откуда?

— И откуда? — спросил Джеймс.

— От органов чувств. Их у человека пять, так? Первое — это зрение. Я вот смотрю на тебя, вижу твою физию, пальцы, там, ноги. Вон у тебя крокодильчик на рубашке — в мою честь, наверное, — Майкл усмехнулся.

— Что? Нет! — Джеймс глянул себе на грудь. — Это просто логотип, я не имел в виду...

— Расслабься, — Майкл всё ещё улыбался. — Я ж шучу. Короче, я тебя вижу — это раз. Я тебя слышу — это два. Как ты вот эти все слова выговариваешь, интонации туда-сюда гоняешь, какой у тебя голос — с утра вот сипел, похмелюга была, да? Сушняк мучал?

Джеймс кивнул, убрал с лица волосы, которыми играл встречный ветер.

— Когда выпью, всегда кажется, что мир — дерьмо. Вчера отчетливо казалось, особенно когда всё кружилось перед глазами, как... грёбаная карусель.

— Сам похмелье терпеть не могу, — согласился Майкл. — Башка трещит, во рту будто кошки нассали.

Джеймс передёрнулся — видно, утренние воспоминания были ещё свежи.

— А это, кстати, третье чувство, — продолжил Майкл. — Вкус. Тут я без понятия, хер тебя знает, — он небрежно пожал плечами. — Сара бы сказала, но её ж тут нет, так что пропустим. Зато когда ты мне в зубы засветил, это было осязание. Или даже нет, когда я тебя до дома вёз и коленями за жопу держал, чтоб ты на повороте не ёбнулся, оно точняк работало.

Майкл притормозил перед пешеходной дорожкой. Джеймс сидел красный, как светофор, сцепив руки на коленях.

— Уже четыре, — непринужденно продолжил Майкл. — Ну и запах — пятый. Это я тоже про тебя знаю, у тебя шампунь вчера был какой-то прикольный, типа, с цветочками. Тока не разобрал, с какими.

— Белая лилия, — сдавленно отозвался Джеймс.

— Ну один хер. Я это к чему веду, — сказал Майкл, — ни одна электронная хреновина с проводами тебя по этим деталям в одну картину не соберёт. Потому что мало ей данные всунуть, надо ещё, чтоб она их прожевала и не подавилась. А это уже анализ нужен. Причём, Бран говорит, не просто анализ, а на основе прошлого опыта. А какой у

железяки опыт? Чтоб его хранить, память нужна. Вот у человека память, если пересчитать, две с половиной тыщи терабайт. И то, говорят, на самом деле больше. Знаешь, скока это? Это фильм длиной триста лет. Или десять библиотек Конгресса США. И работает всё это на двенадцати ваттах.

— Захватывающее объяснение, — после паузы сказал Джеймс. — Не ожидал, что ты разбираешься в проблемах искусственного интеллекта.

— Да хрен я там разбираюсь, — хмыкнул Майкл. — Вот Бран в нём сечёт, а я так, по верхам нахватался. В общем, вроде как, в ближайшем будущем Терминаторы нам не грозят. И на дороге пока человек надёжней автомата — если не бухой в дымину, конечно.

— Ты хорошо разбираешься в машинах? — Джеймс повернул к нему голову.

— У отца автомастерская. Я там с детства тусил, потом подрабатывать начал. Люблю копаться в железе. А ты?

Джеймс хмыкнул.

— А я пока не решил, чем хочу заниматься. Мне нравится история... музыка.

— Ты вчера классно играл, — искренне сказал Майкл. — Все аж заслушались.

Сквозь трещины в бетоне лезла трава. Было тихо, только отдаленный гул магистрали волнами докатывался до аэродрома. Майкл подкатил к началу широкой полосы, под колесами захрустели камешки.

— Даже не знал, что здесь есть заброшенный аэропорт, — Джеймс с любопытством огляделся, снял солнечные очки.

— Я сюда часто езжу. Надо где-то тренироваться перед гонками, — Майкл кивнул на конструкции из проржавевших бочек, досок и кирпичей, выстроенные у края полосы.

— Ты участвуешь в соревнованиях? На своём мотоцикле?

— Не. Участвую — да. Но не на том, который ты видел. У меня есть второй, спортивный.

— А в чём разница?

— Ну, круизер удобнее, тяжелее, седло длинное, чтоб вдвоём сидеть. А мотокроссовый — лёгкий, там считай только рама, движок и руль.

— Ты часто выигрываешь?

— Раз в год точно, — Майкл вышел из машины, открыл багажник и покопался в рюкзаке, вернулся с диском: — Поедем с музыкой, будет веселее.

Оценивающе посмотрел на Джеймса, проверил, хорошо ли тот пристегнут.

Предупредил:

— Будет быстро.

«Быстро», конечно, ни разу не передавало ощущение от скорости сто пятьдесят пять миль в час в открытом кабриолете. Они пролетали взлётную полосу из конца в конец за сорок секунд. Майкл резко выкручивал руль, дожимал газ, уходя в управляемый занос, Джеймса кидало на его плечо, кабриолет крутился на месте, как волчок. Майкл выравнивал его — и опять посылал вперёд, вдавливая педаль газа в пол.

Джеймс восторженно вопил, скидывая руки вверх, из колонок орали басы и электрогитарные рифы. Ветер стеной бил в лицо, выдавливая слезы из уголков глаз, визжали протекторы, стираясь о бетон, оставляя на нём чёрные кольца.

— Хочешь сам?

Джеймс, конечно, хотел. А кому бы не хотелось попробовать скорость на вкус, ощутить телом, как машина летит вперёд, когда стрелка спидометра утыкается в красный предел?

— Жми в пол! — чтобы перекричать рёв мотора, приходилось орать Джеймсу прямо в ухо, привалившись к нему всем весом. — Ещё! Плавнее! Бери вправо! Полоса кончается, отпускай газ — разворот! Доворачивай руль! Педаль в пол, погнали!..

Потом, оглушённые скоростью и пьяные от адреналина, они стояли, прислонившись к машине, и смотрели, как солнце закатывалось за облака. Жевали сэндвичи, заранее упакованные Майклом в рюкзак, передавали друг другу бутылку с холодным чаем, прикладываясь к ней по очереди.

— Обалдеть как покатались, — вздохнул Майкл.

— Ага. Тебя подбросить до дома?

— Спятил? В моём районе противозаконно появляться на такой тачке. Спасибо, конечно, но я на метро.

— Ты же не в Гарлеме живешь.

— Южный Хакни уделает любой Гарлем, просто поверь мне. Ты такой дыры ещё не видал.

— Ты из Хакни?

— А чё, незаметно? — Майкл усмехнулся.

— Давай я тебя хотя бы у парка Виктория высажу.

— Нахер. Если меня увидят с тобой — авторитету пиздец.

— Почему это?..

— Потому что запахло тусоваться с золотыми мальчиками. Вот подойдёт ко мне Бран и спросит — хули ты делал с этой кудрявой бабочкой? Что я ему отвечу? На машине катался? И кто мне поверит?

— А почему тебе не поверят?

— Потому что такие, как ты, без веской причины не интересуются такими, как я. И наоборот.

— Что за веские причины?

— Хотя... а подвези, — вдруг согласился Майкл. — Если спросят, скажу, что ты мой клиент.

— В каком смысле... клиент? — опешил Джеймс.

— Да в самом простом, — Майкл посмотрел на него, недоумённо поднял брови: — Чё?

— Ну... мне кажется, это неудачная идея... — Джеймс отвёл глаза, он был пунцовым, прямо как облака, подсвеченные солнцем из-за горизонта.

Через секунду до Майкла дошло, и он заржал, чуть не согнувшись пополам.

— Да я про тачку твою, придурок!..

— Сам придурок... — Джеймс рассмеялся от облегчения.

Майкл фамильярно стукнул его кулаком в плечо — легонько, из дружеских чувств. Не удержался, взъерошил ему волосы. Волнистые пряди скользнули между пальцами, как шёлковые.

— Скажешь тоже, — Майкл пренебрежительно хмыкнул. — Я сексом за деньги не занимаюсь. Тока по любви.

Оторвался от машины, подцепил рюкзак возле колеса и сунул туда целлофан от сэндвичей.

— Ну что, рванули назад?

С Сарой всё вышло легко и непринуждённо. Она вообще была девчонка простая — легко смеялась, легко заводилась, сама тянулась целоваться, и получалось у неё это как-то естественно. Майкл, конечно, сталкивался с напористыми девицами, но те были другими — манерно шурили густо накрашенные глаза, играли запястьем с браслетами, гнусаво тянули слова, думая, что это выглядит томно. Повадки циничной шлюхи у какой-нибудь двадцатилетки выглядели смешно.

Через дом от Майкла жила настоящая шлюха, Талула. У неё была дочка лет пяти, вечно рассекала по улице на своём розовом трёхколёсном велике с блестящим хвостом из фольги. Талула в обычной жизни была скромной, как монашка из начальной школы при церкви Иоанна Иерусалимского. Майкл даже не знал, чем она занимается, пока не встретил её как-то вечером при полном параде. По забавному стечению обстоятельств Талула была единственной, к кому Майкл не собирался подкатывать: бесплатно она бы не дала, а за деньги ему было не нужно.

Сара была другой. Раскованной, но ужасно милой. Они посидели в кофейне, поболтали о какой-то ерунде. В основном трепалась Сара — про свои планы стать актрисой, про многочисленных друзей, про своих бывших. Майкл слушал и кивал. Она была, как прохладный ласковый дождик: вроде и приятно подставить ему лицо, но намочить тебя всерьёз он не сможет.

— А давай ко мне, — предложила она, расплатившись за кофе.

— Чтоб Джаймс опять пришёл мне морду бить?

— Это ты боишься или надеешься?

Майкл напряженно улыбнулся, не найдясь с ответом.

— Ну ты хамло, — Сара засмеялась, явно решив, что это забавная форма флирта. — Я тебя ещё склеить не успела, а ты уже на моего бывшего глаз положил?

— Ты ж сама говорила — хотела втроём попробовать, — отшутился он.

— И точно, — она откинулась, прищурилась, будто оценивала. — Вы бы вместе смотрелись, как картинка.

Майкл ухмыльнулся, но внутри стало как-то ваще не до смеха.

- Да не, — буркнул он. — Я не из этих. Так-то я ничо против не имею, — добавил он. — Пусть себе живут, мне ж конкуренции меньше.

Она хмыкнула, подняла брови.

— Толерантный какой. А я думала, ты гомофоб. С твоим-то окружением.

— Гомофобы — это которые педиков боятся, — пояснил Майкл. — А чё мне бояться? Руки оторву, да и всё.

— Не буквально, надеюсь?

— Не буквально, — вздохнул он. — Буквально — в зубы дам, если полезут.

— Ну я предупрежу своих мальчиков, что ты суровый. А ты постарайся сначала просто «нет» сказать, прежде чем в драку лезть. У меня в компании, знаешь, разный народ встречается, а ты парень заметный, могут и подойти.

Они вышли из кофейни, Сара взялась за его локоть таким естественным жестом, будто они встречались уже пару лет. До заката было ещё далеко, но солнце уже уплывало за крыши домов, улица лежала в глубокой тени. Шелестели платаны, с витрин ювелирных магазинов лился жёсткий белый свет. На узком перекрёстке красный двухэтажный автобус виртуозно разъехался с чёрным фургоном UPS.

— Пока мы с Джеймсом не сошлись, все думали, что он гей, — сказала Сара.

— А похож, — согласился Майкл. — Чистенький такой, тихий, вежливый.

— Знаешь, есть такие правильные мальчики, которые с девочками только дружат. Вот Джеймс был такой. Ни с кем из наших не встречался. Ну, говорили, с кем-то переспал, но я бы на Библии не поклялась — может, врут. Сам он ни в чём не признавался.

— А как ты в него втрескалась?

— Да я не втрескалась, — Сара вздохнула. — В этом-то и беда. Некрасиво вышло... Вот ты спросил, и теперь мне стыдно, — она пихнула Майкла кулаком.

— А чё стыдно?

— Да я развела его, как ребёнка. Ужасно хотелось проверить, правда ли он гей, или просто скромничает. Как я его окучивала — ты себе не представляешь, — она закатила глаза.

— Расскажи, — заинтересовался Майкл.

— Обхаживала, как девственницу. В Канны на кинофестиваль, в Уэмбли на концерт Мадонны, в Британский музей на выставку импрессионистов, в Альберт-холл на концерт классической музыки. Если решишь за ним приударить, учти — он сам не свой до искусства, — она хихикнула.

— Да нужен он мне, — Майкл постарался непринуждённо улыбнуться.

— Он решился меня поцеловать только на третьем свидании. Господи, я думала, он вообще безнадежен! Но знаешь, это уже был вопрос принципа: либо он меня отошьёт, либо я его завалю. Я даже ни с кем другим не встречалась, чтобы он не сорвался.

— А потом что?

— А потом мы месяц гуляли за ручку и целомудренно целовались. Я себя чувствовала прямо растлительницей малолетних. Пока его обхаживала, сама к нему привязалась. Он же хороший парень на самом деле.

Она вздохнула, замедлила шаг.

— Вот зачем ты спросил, а? Теперь я чувствую себя дурой.

— А ты давно его знаешь? — спросил Майкл, чтобы сменить тему.

— Мы в одной школе учились. И родители знакомы. У его отца с моей тётёй Агатой длинная дружба, она же вечно то разводится, то опять замуж собирается. Семьдесят лет бабке, а она всё из постели в постель прыгает. Мне бы так в её возрасте, — Сара засмеялась.

— А его отец тут при чём?

— Он адвокат. Разводами занимается.

— Понятно, — протянул Майкл.

— На самом деле мне с ним было очень хорошо, — грустно сказала Сара. — Он просто долго раскрывается, знаешь, как лотос — пока один лепесток развернётся, пока второй — а их там у него тысячи. Он очень умный, с ним... с ним было здорово. Мы дружили близко, лет десять, наверное. А я с ним так грубо...

Майкл промолчал, не зная, что на это сказать.

— Понимаешь, потом всё стало страшно серьезно, — виновато заговорила она. — Ну какие наши годы, какие серьёзные отношения?.. Я просто развлечься хотела! А у него трагедия, как будто я теперь жениться на нём должна.

Она замолчала, потом грустно добавила:

— Я по нему скучаю. Понимаешь, он ведь в самом деле хороший друг был. Надежный, отзывчивый. А я этого как-то не замечала. Не привыкла, что кто-то может мне в глаза смотреть, а не на сиськи пялиться. Теперь он пропал — а без него уже всё не так. Остальные — они... не то. — Сара вздохнула.

— Так можа, поговоришь с ним? — предложил Майкл.

— И что я ему скажу? «Извини, Джеймс, мне хотелось проверить, гей ты или нет?»

— Не, это лучше придержи.

— Ну, дай мне совет, — Сара покрепче уцепилась за его локоть. — Ты-то сам меня понимаешь? По тебе видно, что западаешь на всё, что движется. Что ты с бывшими делаешь?

— Да я просто никому ничего не обещаю, — Майкл пожал плечами. — У меня и отношений-то дольше трёх дней не было.

— Везёт, — буркнула Сара.

— А чё ты от него хочешь? Снова сойтись?

— Да нет же, — она глубоко вздохнула. — Я хочу, чтобы он не убивался. Он мне нравится, понимаешь? Он милый. Я и правда хочу с ним дружить, — печально сказала она. — Только он меня наверняка теперь не простит, тем более после той вечеринки. Я не хотела его выставить дураком, — беспомощно сказала она. — Как-то всё само получилось.

— Ну поговори с ним, — сказал Майкл. — Пригласи домой, расскажи вот это вот всё... про чувства. Что скучаешь.

— Ты тоже приходи, — велела она. — Будешь держать меня за руку.

— А вот это херовая идея.

— Ладно, будешь держать меня за руку потом, когда он меня пошлёт нахрен.

— Давай я тя прям щас за чё-нить подержу, — предложил Майкл, приобнимая её за пояс.

— Задница ниже, — она сдвинула его руку и улыбнулась.

От Хэмпстед лейн к дому Сары вела подъездная дорога, перегороженная шлагбаумом. В зелёной будке круглосуточно сидела охрана и каждый раз проверяла номер мотоцикла, прежде чем пропустить внутрь. Майкл никогда не задавался вопросом, зачем её семье такие предосторожности: у богатых свои причуды.

Дом был старинный, в три этажа, понизу увитый ярко-зеленым плющом. И огромный: чтобы попасть из левого крыла в правое, приходилось идти три минуты — Майкл как-то засёк из интереса.

Вечером съезжались гости, хаотично расползались по дому — кто плескался в бассейне, кто слонялся по парку, кто сидел и трепался в одной из гостиных с бокалом в руке. Шампанское тут, похоже, никогда не кончалось.

Майкл приезжал пару раз в неделю. Его роман с Сарой, строго говоря, романом назвать было нельзя. Они сошлись, как два многоопытных бойца шаолиньской школы Копья, Щита и Зеркала: посмотрели друг на друга, осознали равный уровень мастерства, уважительно присвистнули и отправились трахаться. Никакие искры между ними не пробегали, голову ничего не туманило, а классный секс — это ещё не повод давать друг другу какие-то обязательства.

Самые долгие отношения в жизни Майкла перевалили за две недели, а с Сарой по-прежнему было легко.

— Майк, сегодня ты развлекаешь себя сам, — Сара поправила вырез блузки, чтобы в нём виднелся краешек кружевного бюстгалтера. — Я собираюсь зажать в углу Кэти, а то от твоей брутальности у меня скоро щетина полезет и член отрастет. Как я выгляжу? — требовательно спросила она.

— Как чума, — одобрительно сказал Майкл, отсалютовав бутылкой безалкогольного Будвайзера.

— Сам ты чума, — она беззлобно стукнула его по плечу. — И холера впридачу.

— Губы намажь, — посоветовал он.

— У тебя пунктик на помаде?

— Яркие губы — это сексуально.

— Не учи меня совращать девочек, — снисходительно фыркнула Сара. — У меня первая была в тринадцать.

— А у меня в четырнадцать.

— Неудачник, — она наклонилась, коротко поцеловала его в губы.

Кэти, зеленоглазая шатенка с личиком тихой домашней девочки, тоненько взвизгнула и захихикала, когда Сара с размаху шлёпнула её по заду. Майкл проводил их взглядом до дверей и глотнул пива.

В здешнюю компанию он так и не вписался: кроме Сары, никто тут не относился к нему всерьёз. Никакой враждебности, понятное дело, не было, но зато снисходительных взглядов, поджатых губ и закатывающихся глаз было в избытке. Особо талантливые разговаривали с ним, как с глухим или иностранцем: громко, медленно и предельно внятно. Наверное, думали, что иначе не врубится. Девчонки не шарахались, когда он подходил и спрашивал, как дела, но вежливо улыбались, извинялись и съёбывали в другой угол комнаты. Парни на попытку заговорить ухмылялись и совали в руку пустые стаканы. Помня просьбу Сары не устраивать драк, Майкл широко улыбался в ответ, что уже вызывало определённое замешательство, и спрашивал: «Тебе сюда насрать как обычно или двойной будешь?»

В общем, зоопарк тут был тот ещё.

Майкл допил пиво, поднялся, чтобы отнести бутылку к бару, но заметил стоящего в дверях Джеймса. Купидончик был в белой футболке и синих брюках — прям расписная китайская вазочка с каминной полки.

— Здравов, — обрадовался Майкл. Подошёл, стараясь не скалиться во все зубы, протянул руку. Он не видел его с того самого дня на аэродроме. Много раз пытался выдумать предлог, чтобы позвонить, но ни одного не нашёл. Да и куда бы он его пригласил — в МакДональдс?

— Привет, — Джеймс дружелюбно улыбнулся, руку пожал крепко и коротко. Обежал глазами гостиную.

— Сара — это... занята, — тактично сказал Майкл.

Джеймс хмыкнул, заправил волосы за ухо.

— Что, ты теперь тоже во френд-зоне?

Майкл ухмыльнулся:

— А я не ревнивый. Те сообразить чё? — спохватился он.

— Что?..

— Выпить будешь, говорю?

— Я за рулём.

— Так и я, — Майкл качнул пустой бутылкой, демонстрируя этикетку. — Хошь, по лимонаду вмажем?

— Давай, — после паузы согласился Джеймс. — Я бы сел куда-нибудь, сегодня весь день на ногах.

— Приземляйся, я принесу, — Майкл махнул рукой на диваны.

Джеймс посмотрел на него удивлённо.

За барной стойкой маячил Фредди — тонколицый кареглазый португалец из местного персонала. Майкл передал ему пустую бутылку.

— Ты знаешь, чё он обычно пьёт? — негромко спросил он и кивнул на Джеймса. — Вот будь другом, сделай два раза.

Купидончик устроился на широком диване у высокого арочного окна. Поджал под себя одну ногу, положил руку на спинку. Кому-то вяло махнул.

— Ну чё, где бегал? — спросил Майкл, возвращаясь к нему с двумя холодными стаканами, скользкими от конденсата. Вблизи Купидончик выглядел уставшим: глаза запали, губы потрескались. Но поблагодарить не забыл.

Майкл пристроился рядом, но не вплотную, чтоб вышло повежливей. В стакане был лёд, гранатовый сироп, содовая и немного свежей мяты. Оказалось — вкусно.

— Тебе правда интересно, что я сегодня делал? — спросил Джеймс.

— Не, ну если секрет, пытаться не буду, — сказал Майкл.

— Не секрет.

Джеймс поболтал трубочкой в стакане, попытался поймать её губами, не глядя — сумел, но не сразу.

— С утра был на занятиях, — сказал он. — Если заметишь, что у меня что-то лезет из ушей — не пугайся, это английская литература. По большей части — Шекспир.

— Это который про Ариэль написал? — уточнил Майкл, радуясь, что может поддержать тему.

Джеймс терпеливо улыбнулся.

— Да. Кстати, как она?

— Кто?

— Ариэль. Та девушка, с которой ты познакомился у доктора Шермана.

— А, эта!.. Не знаю, — Майкл пожал плечами. — Её Бран увёл. У меня девчонки надолго не задерживаются.

— Ты хочешь сказать... — Джеймс недоверчиво поднял брови, — что у тебя их было много?..

— Порядочно, — уклончиво ответил Майкл. — Так чё, это у тебя от Шекспира бледность лица образовалась?

— Отчасти, — тот кивнул. — После университета у меня был урок тенниса. Потом я заехал в театр, забрал маму с репетиции. Потом мы с ней немного повздорили, поужинали, я съездил увидеться с Бобби — и сюда.

— Насыщенный день, — признал Майкл. — А кто такой Бобби?

Джеймс вдруг радостно и светло улыбнулся.

— Мой лучший друг.

Купидончик достался в друзья какому-то непонятному Бобби — вот же повезло подлецу. Наверняка ходят вдвоём такие, треплются про Шекспира без остановки.

— Ну, а ты чем занимался? — спросил Джеймс, посасывая коктейльную трубочку. Майкл невольно загляделся, не сразу отвёл взгляд.

— Да я работал. Ничё интересного...

— Слушай, Майкл. Я всё хотел тебя поблагодарить за ту поездку. Это было очень здорово, — серьёзно сказал Джеймс. — Помогло отвлечься от всех этих событий.

— О, ты вернулся!.. — На диван между ними упал молодой человек в форменном пиджаке с гербом университета, развернулся к Джеймсу: — Он тебя не достаёт?..

Майклу пришлось отодвинуться, чтобы не упираться в него коленями.

— Честер, мы разговариваем, — хмуро сказал Купидончик.

— Ай, не занимайся благотворительностью, — отозвался Честер, даже не повернув головы в сторону Майкла. — Ты новую книгу Акройда читал? Что там у него за теория?

— Там фантазия, а не теория, — отозвался Джеймс, коротко глянув на Майкла. — Он

сам говорит, что ему предположения важнее доказательств. Давай обсудим позже.

— А вы треплитель, мне интересно, — живо отозвался Майкл. — Хоть послушаю.

Джеймс встретился с ним взглядом:

— Правда?..

— Да какая тебе разница? — Честер пожал плечами. — Пусть сидит, только молча.

Возле Джеймса организовался кружок любителей говорить не по-человечески.

Майкл слушал и пытался вникнуть, но незнакомые имена сливались в одну сплошную кашу, а от фраз, которыми сыпали Джеймс с приятелями, уши и вовсе сворачивались в трубочку. Они уже давно оставили новую книгу, с которой всё началось, и забрались в непролазные дебри.

— Рассматривать историю как божественную творческую силу — это антинаучно...

— Экспансия западнохристианского общества была гораздо масштабнее...

— Тойнби просто компилятор, он не сказал ничего нового, все это писали и до него, почитай хотя бы де Шардена...

— Ну ты ещё вспомни Макиавелли!.. Кем бы он был без Борджа?

Майкл тихо поставил стакан с растаявшим льдом на столик и поднялся на ноги.

Момент, когда пора сваливать, он обычно чувствовал хорошо.

Примечание к части

Роман выложен здесь:

<https://lit-era.com/book/vdrebezgi-b39583>

Сара придирчиво посмотрелась в зеркальце, подмазала губы блеском, растерла пальцем.

— Скажи, что у меня всё получится, — жалобно попросила она, глянув на Майкла поверх пудреницы.

— Ты красотка, — сказал тот и улыбнулся вполсилы. — Они в обморок хлопнутся, когда тебя увидят.

— Пиздишь, как дышишь, — нервно отозвалась она и сжала его руку. — Но это бодрит. Спасибо.

Вокруг стоял галдёж, как в зале ожидания на автобусной станции. Пока Сара маниакально изучала своё отражение, Майкл откинулся на спинку стула, скользнул взглядом по головам.

Было даже смешно, что Сара не знала.

Если бы знала — не позвала бы с собой на кастинг. Он упоминал ей когда-то, что сам хочет сниматься в кино, но тогда всё было иначе, да и планы у него были другими — не в актёры идти, как Джеймс советовал, а в каскадёры. Если бы знала — наверняка подумала бы, что просьба будет звучать издевательством. Пойти поддержать её на пробах на главную роль?.. Посидеть сбоку на краю того мира, куда он сам так рвался, но куда теперь ни за что не попадёт?.. А в жопу ей не пойти?..

Он всерьёз подумал послать её с такой просьбой, но потом решил — да какая теперь разница?

Они сидели в большом зале посреди шумной толпы парней и девчонок. На двери в смежный кабинет висело объявление: «ЗА ЧАС ДО ВЕСНЫ. Юноши: рост 175 - 185 см, возраст 19 - 25 лет. Девушки: рост 170 - 180 см, возраст 18 - 28 лет».

— А что за фильм будет? — спросил Майкл, чтобы отвлечься.

— Какая-то драма начала века, — сказала Сара. — Спасибо, что пошёл со мной, я бы тут свихнулась от волнения.

— Пиздишь, как дышишь, — отозвался Майкл.

И всё-таки хорошо, что она его позвала. Он смотрел на молодые лица парней, кучковавшихся по залу, и понимал: ему тут не место. Они богатые и ухоженные. С рельефными руками, журнальными лицами, с правильной речью — и он среди них, как пугало. Куда тебе такому в кино?.. Не допрыгнешь. Сиди себе в автомастерской, колупайся в чужих машинах. Под ноги смотри: кто ты, откуда. А то, если голову повыше задрать, можно и наебнуться.

— Как он там?.. — спросил Майкл, глядя в сторону.

— Плохо, — тускло сказала Сара. — Но я тебе этого не говорила, а ты не спрашивал.

— Если он у тебя тоже не спросит — ты не говори, что я тут... в общем, что я нормально. Чтоб не переживал. Я делом занялся. Другую работу нашёл. С перспективой.

— Заткнись, — сдавленно сказала она. — У меня сейчас тушь потечёт.

— Ну, ты просто... Не говори. Когда он не спросит. Ладно?..

— И не подумаю.

— Ты когда к нему снова?..

— В субботу.

— Как там... — Майкл постарался вздохнуть, почесал бровь, — ну... погода? В Париже?..

— Прекрати, — Сара сжала губы и отвернулась. — Майкл. Давай не будем. Я тебя позвала, чтобы отвлечь. Никому лучше не станет, если вы оба будете меня пытаться этой

погодой. Я не могу помочь. Я бы хотела, — жалобно сказала она и шмыгнула носом. — Вот что я могу?..

— Ты к нему хотя бы на выходные летаешь, — с мрачной завистью сказал Майкл.

— Я же не могу его бросить, — тихо сказала она. — Он там вообще один.

Из-за двери кабинета выглянула девушка с планшетом в руках, гомон в зале слегка утих.

— Мисс Кланкарти! — выкрикнула она. — Сара Кланкарти!

Та вскочила, одёрнула узкую юбку, потребовала:

— Так, быстро пожелай мне удачи.

— Удачи, — искренне сказал Майкл.

Сара чеканным шагом пошла к девчонке со списком. Та отметила её галочкой в своих бумагах, увела за собой. Майкл поднялся с места, уступая стул новоприбывшим, подобрался ближе к двери с объявлением, встал у окна. На него недружелюбно покосились.

— Я не на кастинг, — хмыкнул он и усмехнулся: — Я с подругой.

Кто-то буркнул в ответ, мол, все тут с подругами, Майкл не стал отвечать.

Прислонился задом к высокому подоконнику, вытащил телефон из кармана джинсов.

Открыл папку сообщений, прокрутил её к самому началу.

«Ты знал, что у Медичи был жираф?»

Всё, что ему осталось — старые СМС и часы, подарок на Рождество. Он носил их теперь, не снимая. Постоянно щупал на руке — вот они, всё ещё здесь. Не потерял.

И Бобби. Когда Майкл приехал к нему, пёс лаял так, что закладывало уши. Он подросток за лето. Прыгал на плечи, бегал вокруг, истерично мотая хвостом, искал Джеймса, заглядывая Майклу за спину. Тот присел на корточки, поймал его за уши, заставил посмотреть в глаза. Хотел сказать — прости, парень, твой хозяин к тебе не придёт.

Не смог.

Сара вылетела из кабинета, оставив дверь нараспашку.

— Взяли? — Майкл спрятал телефон обратно.

— Не знаю, — Сара глубоко дышала, уперев руку в бок и обмахиваясь ладонью.

Шёлковая блузка у неё на груди вздымалась, как туго натянутый парус под ветром. — По-моему, я провалилась. Надо было прочесть кусок из сценария, а я думала про тебя и... чуть не рыдала. Я в панике. Обними меня.

— Прости... — Майкл прижал ее к себе, похлопал по спине, как ребёнка.

За открытой дверью виднелся длинный стол, где сидела комиссия кастинга. Четверо мужчин, две женщины — все такие разные, будто их собирали по всему миру.

— Там всё равно была какая-то поебень... — пробормотала Сара, обнимая его в ответ. — Не вини себя. Если весь сценарий такой, пойти бы им в жопу...

Молодой человек с элегантной щетиной, один из членов комиссии, встретился взглядом с Майклом и поднял брови. Наклонился к коллеге, пожилому мужчине в костюме с бабочкой, ткнул карандашом в его сторону.

— Про что читала-то? — спросил Майкл.

— Ой, знаешь... Там монолог на пол-листа. Героиня — такая экзальтированная девица, переспала не с тем парнем и теперь психует. Короче, отстой.

Молодой человек ладонью поманил Майкла к себе. Девушка с планшетом вынырнула откуда-то из плотной толпы у дверей, тронула его за рукав:

— Пожалуйста, идите за мной.

— Постой тут, — Майкл отстранил от себя Сару. — Мне там чё-то сказать хотят. Про

тебя небось, — он улыбнулся.

— Не на кастинг!.. — раздражённо бросил кто-то в спину.

В комнате комиссии было душно от двух переносных прожекторов с отражателями. По центру стоял стул, перед ним — камера на штативе.

— Привет, — сказал Майкл, останавливаясь за спинкой стула. — Я с Сарой, — он ткнул пальцем за спину.

— Дженни, смотри, какой интересный типаж, — щетинистый парень повернулся к соседке, светловолосой девушке в чёрной футболке. — Явно же харизматик.

Дженни подняла брови:

— Допустим...

— Герой-любовник и неврастеник? — задумчиво спросил мужчина с бабочкой сам у себя и пристально оглядел Майкла. — Любопытно... Редкое амплуа.

— Как вас зовут? — спросил молодой человек, перестав шептаться с соседкой.

— Майкл, — ответил тот.

— Майкл, расскажите немного о себе, — улыбнулась Дженни.

— Мне двадцать один. Я из Хакни. А что?

— Майкл из Хакни — и всё? — Седая дама в очках слегка поморщилась, будто у нее внезапно заболела голова, и постучала карандашом по столу.

— А вам зачем? — спросил он.

— Майкл, как ваша фамилия? — парень хмурился, листая бумаги в папке перед собой. — Я не могу найти вашу анкету.

— Так её там и нет, — Майкл пожал плечами.

— Как это — нет? — удивилась Дженни.

— Я ж сказал, я с Сарой. С подругой. Это она к вам хочет.

— А вы не хотите? — цепко спросил парень.

Майкл криво усмехнулся:

— А вы чё, предлагаете?..

— У вас есть актёрское образование? — вздохнула седая дама в очках.

— Школа считается? — спросил Майкл.

— Гилдхоллская школа музыки и театра? — оживилась Дженни. — Или Королевская школа драмы?..

— Не, — Майкл усмехнулся веселее. - Начальная школа при церкви святого Иоанна Иерусалимского. Занимался два месяца в театральном кружке, пока не выгнали. А ещё три месяца драмы и танцев от колледжа Кенсингтона и Челси.

— Не слышал о таком колледже, — нахмурился парень, — а почему только три месяца?.. Что-то не сложилось?..

— Ага, — Майкл улыбнулся.

Вот ведь судьба, какая ты сука. По краешку чужой жизни пройтись, в толпе посидеть, среди тех, кто пришёл пробиваться к звёздам - нет, этого ведь мало, блять. Надо ещё, чтоб вот эти внушительные ребята из комиссии кастинга решили на тебя посмотреть. Пусть смотрят, не жалко. Тока пойми уже наконец — не выберут тебя в этот мир никогда в жизни. Потому что у них даже анкеты твоей нет, во как. Кудряшка бы сказал — символично.

— Не сложилось, — сказал Майкл, улыбаясь во весь рот. В груди что-то дрожало. — Я под арестом тока три месяца был. А потом отпустили. Вот и не доучился.

— А ты прав... — пробормотала Дженни, обращаясь явно не к Майклу. — В нём что-то есть...

— Я тебе говорил!.. — парень хлопнул ладонью по столу. — Я же сразу сказал!..

— Мы зря тратим время, — громко сказала седая дама. — Это бессмысленно, его даже нет в списке.

— Бессмысленно и нелепо, — поддержал её другой пожилой мужчина, без бабочки. — Он совершенно посторонний человек.

— Я вижу актёра, стоит ему войти в дверь, — со значением сказал четвёртый мужчина, темнокожий и полноватый, с короткими усами. — Это — не актёр.

— Нет, я уверен, надо попробовать, — настойчиво сказал молодой парень со щетиной. — Посмотрите, какая мимика! И пластика! Это всего пять минут!

— Нас там ждёт пятьдесят человек, — дама кивнула на закрытые двери.

— Майкл, вы могли бы нам что-нибудь рассказать? — спросила светловолосая Дженни. — Какую-нибудь короткую историю?

— Ну... я стишок знаю, — Майкл переступил с ноги на ногу и взялся за спинку стула.

— Стишок... — сказала седая дама в очках, облокотившись на стол, и приставила палец к виску. — Стишок, — внятно повторила она, вытянув губы, будто слово было каким-то неприличным, и она хотела, чтобы оно поскорее оторвалось от них и растворилось в воздухе.

— Из книжки, — пояснил Майкл.

— Можете рассказать? — щетинистый парень подался вперёд.

Майкл пожал плечами и начал сходу.

— Трудями изнурен, хочу уснуть. Блаженный отдых обрести в постели.

Горло сжалось — он кашлянул, уставился за окно. Продолжил хрипловато:

— Но только лягу, вновь пускаюсь в путь — в своих мечтах — к одной и той же цели.

Следующий вдох дался с трудом. Думаю о тебе, аж спать не могу. И ни о чём другом, кроме тебя, больше не думается. Засыпая — думаю, спишь ли ты. Просыпаясь — думаю, как ты просыпаешься.

— Мои мечты и чувства в сотый раз идут к тебе дорогой пилигрима, — сказал Майкл.

Сотый. А потом будет двухсотый. Трёхсотый. Тысячный. Пять лет — это тысяча восемьсот дней. Тысяча восемьсот пилигримов собрались дойти до Парижа. Один наебнулся на гонках, и их осталось тысяча семьсот девяносто девять. Тысяча семьсот девяносто девять пилигримов собрались дойти до Парижа... Нескладный какой-то стишок, у Шекспира лучше.

— И, не смыкая утомлённых глаз, — сказал Майкл, — я вижу тьму, что и слепому зрима. Усердным взором сердца и ума во тьме тебя ищу, лишённый зренья...

Чтобы нижняя губа не дрожала, пришлось её прикусить.

— И кажется великолепной тьма, когда в неё тыходишь светлой тенью...

Нет, Джеймс ему в кошмарах не снился. Ему снился дом на тихой улице с фонарями и платанами. Ему снились ночные улицы Бирмингема, холодное зимнее море, жаркие синие глаза и лицо, наклоняющееся сверху с быстрой жадной улыбкой, и тёмные мягкие пряди волос, упавшие прямо на скулы в веснушках. Снились руки, сомкнутые под наброшенной сверху курткой. Снился голос и звонкий смех. Нет, кошмары к нему не приходили. Кошмар начинался тогда, когда Майкл просыпался и вспоминал.

Он замолчал, опустил глаза. Заставил себя закончить:

— Мне от любви покоя не найти. И днём и ночью — я всегда в пути.

Комиссия молчала так долго, что Майкл подумал, будто что-то случилось. У Дженни глаза были такими огромными, будто она увидела мышь под стулом и сейчас вскочит и завизжит. Седая дама в очках, сцепив сухие пальцы, смотрела в стол. Парень со щетиной хотел сунуть карандаш в рот, чтоб погрызть, но не донёс — так и сидел с открытым ртом, глядя на Майкла. Очнулся, только когда выронил карандаш на стол и все

вздогнули, как от выстрела.

— Ну вот, короче, — Майкл почесал за ухом. — Я пойду. Так, это... Саре что-нибудь передать?..

— Какой Саре?.. — переспросил парень.

— Ну, подруге, — пояснил Майкл. — Только что тут была, до меня.

— Сара Кланкарти?.. — переспросила седая дама и сняла очки, чтобы промокнуть бумажным платочком уголок глаза. — Скажите ей, что она хорошо читала. С большим чувством. Талантливо.

— Ага, — Майкл улыбнулся. — Спасибо. Так я пойду.

— Стойте, — парень со щетиной вскочил, обежал стол, на ходу вытаскивая телефон, — Майкл, оставьте мне ваш номер. И фамилию... Можно?

— Можно, — тот пожал плечами. — Фассбендер.

Поздно ночью на Скипворт роуд горело только три фонаря. Майкл шёл от автобусной остановки, держа руки в карманах. Сначала загулялся с Сарой после кастинга, потом навестил Бобби, пока вернулся обратно — оказалось, уже далеко полночь. Впереди на своих каблучищах по разбитому асфальту ковыляла Талула. Майкл ускорил шаг, нагнал.

— Привет. Чего хромаешь?.. Случилось что?..

— А, это ты, — она обернулась. — Не волнуйся, просто ногу в мясо натёрла.

У неё были густые фальшивые ресницы, блёстки на веках, кровавая помада на губах и очень усталая улыбка.

— Давай провожу, — сказал Майкл. — Хватайся.

— Давай, — согласилась она, цепляясь за его локоть. — Слушай, кстати... у вас ведь в семье прибавление, да?..

— Сеструха прибавилась, — кивнул Майкл.

— У меня куча детских вещей от Энджел осталась. Она из них давно выросла, а я всё никак не соберусь выкинуть или отнести на барахолку... Спроси мать, если она не против — я бы вам отдала. Бесплатно.

— Спасибо... — он благодарно улыбнулся. — Я спрошу.

— Если она не побрезгует, что это от меня...

— А что ты, не человек, что ли?.. — Майкл пожал плечами. Та вздохнула:

— Не валяй дурака. Ты же понял, о чём я. Она учительница, я шлюха. Есть разница.

Возле своего дома она выпустила его руку, хлопнула по плечу.

— Спасибо, что проводил. Спокойной ночи.

— И тебе, — отозвался он. — Привет дочке.

Возле дома Майкла темнота была особенно густой. Фонарей рядом не было, в окнах не горел свет — все спали. Только какая-то тень ворочалась у порога. Майкл остановился, сердце замерло.

— Привет, — хрипло сказал Бран, поднимаясь на ноги. — Я тя ждал. Думал, уже ты до утра не появишься.

— Привет, — сказал Майкл, унимая обиду от разочарования. — Чего ждал?..

Бран вынул квадратную бутылку из-под куртки, сделал глоток из горла.

— Короче, типа, — сказал он, пошатнувшись, и привалился к стене дома. — Как сам?..

— А никак, — спокойно сказал Майкл. — На гонках ёбнулся, как всегда. Три месяца в тюрьме, чуть не загремел от семи и выше. Работа пиздой накрылась. Денег нет нишуя. Надо сестру растить. Кудряшка торчит в Париже, как монумент Виктории. Ты съебался. А ещё я пидор. Заебись год получился.

Бран потерял макушку ладонью. У него отрастали волосы, короткие, как иголки

новорождённого ёжика.

— Давай нажрёмся, — предложил он.

— Давай, — равнодушно кивнул Майкл. — Я тогда у тебя заночую.

— Ты, это... — по дороге сказал Бран, опять приложившись к бутылке. — Подцепишь ещё кого-нибудь...

— Щас нахуй пойдёшь, — сказал Майкл.

Он шёл ровно, сунув руки в карманы. Странно и отчётливо ощущал себя на этой улице, знакомой с детства — чужим. Будто он только приехал сюда в гости, как кудряшка, а на самом деле дом у него где-то далеко-далеко. Он смотрел вокруг, будто в первый раз. И не понимал, что он здесь делает.

Бран тыкал ключом в замочную скважину, матерился вполголоса, пока Майкл не отобрал у него ключи и сам не отпер дверь. Он первым зашёл в тёмный дом, зажёл свет в прихожей, скинул кроссовки. Бран протопал в гостиную, упал на диван. Посмотрел настороженно:

— А ты не изменился ваще.

— А чё мне меняться, — сказал Майкл. Он принёс из кухни стаканы, выбил и сполоснул пепельницу, чтоб не воняла.

Бран вынул из-под куртки и поставил на журнальный столик открытую бутылку скотча, там оставалось две трети.

— Я пока под дверью сидел, приложился, — невнятно объяснил он.

Майкл сел рядом, налил себе. Сделал глоток, не поморщившись, будто это была вода. Бран крутил стакан в пальцах, постукивал по нему ногтем.

— Я никому не скажу, — наконец он поднял глаза на Майкла. — Даже Томми...

— Томми знает. Джаймс проболтался ещё год назад.

— Чё, бля?.. — Бран потрясённо раскрыл глаза. — Год назад?.. И он... никому ни пол-слова?.. Он же трепло!..

— Я тоже думал, что не удержится, — Майкл пристроил локоть на спинку дивана, подпёр висок кулаком. — А он как Алькатрас оказался.

— Знает... — с обидой сказал Бран. — А ещё кто знает?..

— Сара. И предки мои.

— Всем разболтал, — тот насупился и с досадой пнул столик, пепельница звякнула о бутылку.

— Отец сам догадался. Сара сразу в курсе была. Я только тебе сам сказал.

Бран глянул на него исподлобья.

— Чё дальше делать-то будешь?..

— Ждать, — сказал Майкл, подпаливая сигарету. — Если за пять лет никто не скопытится, найдём друг друга.

— Откуда ваще пять лет-то взялись?.. — спросил Бран, присасываясь к бутылке. — Чё вдруг так резко?

— Его папаша хочет, чтоб я сначала человеком стал. Пока кудряшка учится, типа, можно в люди выбиться.

— А чё, разумно, — согласился Бран, потом спохватился: — А чё, он не против, что ли, что вы это самое?..

— Не против, — Майкл глубоко затянулся. — Он говорит, ему положить, что я парень, лишь бы в кошельке было не пусто.

— Ну, то есть, у вас всё серьёзно?.. — Бран нахмурился. — Пять лет — это ж дохуя времени.

— Ты когда-нибудь видел, чтобы я два раза подряд с кем-то трахался?.. — спросил

Майкл, глядя ему в глаза.

— А то я каждый раз видел, как ты трахался, — огрызнулся Бран, но задумался. — Ну... вроде нет.

— А с ним встречался восемь, сука, месяцев, — с чувством сказал Майкл. — С октября, блять, по май. И ни разу, — с нажимом сказал он, — никого, кроме него, у меня не было.

— Да ладно, — Бран усмехнулся. — Никого прям не было. У тебя ж конвейер.

Майкл молчал, глядя ему в глаза. Тот сначала ещё усмехался, потом перестал.

— Ладно, — Бран зарылся в карманы, — раз такое дело... у меня тебе... есть чё. Да где, бля...

Он обшарил джинсы, рубашку, перетряхнул куртку, вытащил связку ключей, перебрал их по одному, долго звенел мелочью

— Во. Нашёл, — наконец сказал он.

Майкл глотнул еще скотча, посмотрел на протянутую ладонь. Там лежал брелок для ключей — тонкая спираль из чернёной стали, свёрнутая короткой пружинкой.

— Это чё? — спросил Майкл.

— А чё, не понял? — насупился Бран.

Майкл поднял на него глаза.

— Это же, ну... — Бран покрутил пальцем возле лица. — Типа. Кудряшка.

Они надрались, как свиньи, в два часа ночи вызвонили Томми, тот принёс еще какого-то пошла, а когда и оно кончилось, доползли до паба. Камнем разбили заднее окно (потому что никто из троих уже не мог попасть ключом в замок), чудом не пропоролли руки стеклом, пока открывали дверь, потом кто-то всё-таки словил осколок, кажется, это опять был Майкл, а может быть, Бран, а Томми изрезал все пальцы, пока пытался подняться с пола и достать чистое полотенце на перевязку, они изгваздали новенькую кухню и друг друга кровью, еле выбрались в зал и высосали с нижних полок стойки всё, что там стояло, кроме жидкости для протирки столешницы.

Майкл сорвался, больше не было сил держаться, шутить, думать, что всё будет хорошо и он со всем справится. Или думать, что реветь, как девчонка — стыдно. Тем более что Томми ревел за компанию, хотя это ж Томми, он вообще никогда не стеснялся, что пиздец как чувствительный. Они сидели там, под стойкой, привалившись друг к другу, среди звенящих пустых бутылок и кровавых отпечатков ладоней на новом чистом полу. Будто, как в детстве, играли в прятки и заныкались от всего мира, чтобы их никто не нашёл.

Потом они ржали, как припадочные, когда сил на слёзы уже не осталось, и всё казалось смешным — и своя жизнь, и далёкие планы, и оттопыренный средний палец, и то, что Сара переспала с каждым из них, а это тоже как-то объединяло.

Под утро Томми высказал здравую мысль, что хорошо бы подняться в мансарду — там есть подушки и одеяла — но они оценили проблему двух лестничных пролётов, которые предстояло преодолеть, и решили никуда не ходить, а устроиться прямо под стойкой.

— Ты тока меня не трахай, — жалобно попросил Бран, с трудом поднимаясь на четвереньки и неуверенно покачиваясь.

— Да блять... нужен ты мне... — Майкл пытался свернуть мотоциклетку, чтоб подложить под голову, но получался всё время какой-то комок из рукавов, в котором во всех местах торчали зубчики молнии. Майкл крутил его в руках и так и эдак, пытаясь понять, где тут что.

— Никто никого не трахает! — решительно заявил Томми, выволакивая пледы из

нижнего ящика под стойкой. Там хранилась целая стопка для любителей покурить на улице в холодную погоду. — А кто будет трахаться, — сурово добавил он, — тот — пидарас.

— Ты ваще молчи, — буркнул Бран, осторожно оторвав одну руку от пола. Стоять на трёх точках у него не получилось, и он завалился на бок, как подстреленный. Томми сунул плед ему в лицо. — Молчи ваще, — повторил Бран, заворачиваясь в плед и дрыгая ногами, чтоб укрыться. — Я с твоей Сары чуть не двинулся.

— Ты по жизни двинутый, — сказал Майкл, наконец плюнув на попытки свернуть куртку удобнее, и сунул её под голову, как есть, всю из рукавов, заклёпок и острых железных молний. Перекинул руку через живот Брану и подтянул его к себе.

— А чё, это она во всём виновата!.. — тот даже сумел приподняться на локте от такого открытия. — Ты смари, это ж была цепная эрек... реакция! Сначала она трахнула кудряшку... Потом ты трахнул Сару... потом опять кудряшку... Вишь, сначала она его, а потом ты её, и его после неё...

— Щас в морду дам, — неразборчиво пообещал Майкл, смутно почуяв какой-то наезд на Джеймса.

— А потом ещё Сара трахнула Томми, — пробормотал Бран, пытаясь загнуть пальцы и разобраться, — а ты, значит, кудряшку...

— Ты затрахал, — Томми наконец упал рядом с ним, стукнувшись лбом об пол. Поёрзал, придвинулся теснее.

— А потом ещё я трахал Сару... — не унимался Бран, загибая и разгибая пальцы.

— Все тут трахали Сару, — вставил Майкл.

— А ну заткнулись! — сердито потребовал Томми. — Нахер щас оба пойдёте!.. Поползёте!.. Это моя девушка!

— А у меня нет девушки, — огорчился Бран. — У Майкла бабы кончились — где мне теперь их брать?.. Вот ты мудака, Фасс... ссс... сссука ты, бендер... Не мог подождать?.. Я, может, тоже любовь хочу.

— Ты, говнюк, — обиделся Майкл, — ты со мной тока из-за баб дружил?..

— Молчи ваще, — Томми попытался пихнуть его локтём, но попал по Брану, тот вяло ойкнул. — Дай сюда плед. И ваще молчи...

— ...пидарас, — сказали все хором.

Майкл сунул в рот сразу четыре жвачки, чтобы не так несло перегаром. Причесался, щурясь в коридорное зеркало на свою похмельную морду. В двадцать лет ещё можно пить всю ночь, а наутро иметь вид бледноватый, но не алкоголический. Зря он, конечно, надрался так прям перед интервью в автосалон на Розен стрит, но сделанного не вернёшь, оставалось только закинуться аспирином и надеяться, что по дороге дурнота отпустит. Головная боль Майкла почти не мучала, а вот мутило знатно. Он глубоко вдохнул ментоловый запах, перекатывая во рту жвачку, сунулся на кухню за стаканом воды.

— А завтрак?.. — спросила Эмма. — Хоть кофе выпей.

Она сидела за их крошечным кухонным столом, держа на одной руке Кейтлин. От её ситцевого халата в цветочек пахло молоком. Малышка спала, сжимая во сне крохотные кулачки и хмурясь.

Майкл скривился от нового приступа тошноты, налил себе воды из-под крана. Из-под рукава торчал край бинта — порезался он вчера неглубоко, но сильно. Вот и ещё один шрам останется.

— Обойдусь, мам. Я потом — и кофе, и завтрак. Перехвачу где-нибудь по дороге.

— У тебя сегодня ещё дела?.. — спросила она.

— К Бобби заеду, - сказал он. — Сайрус говорит, Джеймс ему деньги на содержание шлёт, но гулять-то с собакем надо. Он же скучает.

Эмма вздохнула, покачивая дочку на руке. Потом тихо сказала:

— Не делай этого.

— Я обещал, — укоризненно сказал Майкл. — Ты чего, он же псину свою на меня оставил.

— Подожди, — сказала она, глядя ему в глаза. — Не торопись никуда. Ты же всю жизнь мечтал не об этом. На дом в Чидеоке есть покупатель, денег хватит, чтобы ты в колледж пошёл...

— Знаю я, сколько там денег, — сказал Майкл. — Кот наплакал за такую развалину. Лучше этот тоже продать, — он окинул взглядом крохотную кухню, — и в район получше уехать. Чтоб она росла среди нормальных, — он кивнул на мирно сопящую сестру, — а не как я. И чтоб школа была хорошей. Я-то справлюсь, чё мне сделается. Я лось здоровый. А вам с отцом тоже спокойное место не помешает.

— Джеймс бы с тобой не согласился, — сказала она.

— Джеймс уехал, — резко сказал Майкл. — И правильно. Пусть учится. Я ему не буду ломать жизнь. Чё я ему сейчас дам?.. — спросил он и добавил, опустив голову: — Он высоко летает... С крыши гаража я до него не допрыгну.

— Попытайся хотя бы, — сказала Эмма.

— Вот я щас и пойду, — Майкл пожал плечами, — пытаться. Только без фантазий. Не хочу больше мечтать.

Он наклонился, поцеловал её в щёку. Тронул пальцем розовый носик сестры:

— Пока, кнопка. Не хулигань тут.

Собственно, интервью никакого не было. Мистер Ференц, который отвечал за подбор кадров, передал Майкла с рук на руки управляющему салона. Тот лично провёл экскурсию по всем пяти этажам, рассказал, что у них специализация — немцы, так что работать придётся с Мерседесами, Ауди и БМВ. Майкл эти машины любил, так что даже обрадовался. Управляющий долго рассказывал про социальные программы, премии и поощрения, льготы сюда, скидки туда, Майкл слушал, кивал и пропускал всё мимо ушей. Мастерские занимали два этажа — цокольный и подвальный. Здесь всё было новое, чистое, блестящее и хромированное. Рабочие ходили в спецовках и кепках, для сотрудников здесь был даже буфет и две душевые.

Договорились на испытательный срок — два месяца, чтобы присмотреться к коллективу, потом перевод на должность повыше, а года через три, в зависимости от результатов, можно будет пойти в помощники к руководителю отдела — это уже семьдесят тысяч в год и ежеквартальные бонусы.

Понятное дело, Майкл согласился. Даже письменные рекомендации от Кристофера не понадобились, хотя он захватил их с собой — три страницы, исписанные убористым мелким почерком.

— Видишь, вроде бы всё хорошо получается, — сказал Майкл, перечислив Бобби последние новости. Тот сидел задом на мокрой траве, у него на косматой шерсти оседала сырая взвесь. От микроскопического дождя даже воздух казался мокрым. — Сам-то чё думаешь?..

Майкл сидел с ним рядом, коленями в рыжих листьях, и обнимал пса за шею. Тот вздыхал, шнырял глазами по лицам. Через парк тянулась вереница людей с электрички.

— Да не придёт он, — сказал Майкл, и пёс тревожно глянул ему в глаза. — Он уехал.

Теперь я буду. Вот выучится — вернётся. А мы с тобой подождём. Подождём же, правда?..

Бобби тихонько гавкнул и сунул горячий упрямый лоб Майклу под челюсть.

— Я знаю, — тихо сказал тот, прочёсывая пальцами серую шерсть. — Я его тоже люблю. Прости, парень... Тебе больше всех досталось...

Бобби стукнул его головой под подбородок, ткнулся носом в щёку, вздохнул, лизнул в ухо.

В кармане зажужжал телефон. Номер был незнакомый, Майкл на секунду подумал - а вдруг?.. Вдруг это он, вдруг сейчас всё изменится, вернётся, как было раньше?..

— Майкл?— спросил незнакомый голос.

— Да.

— Я Уолтер Доггерти, мы виделись с вами на кастинге. Пробы на фильм «За час до весны», помните?..

— А, точно, — сказал Майкл. — Вообще-то забыл уже. Вы не тратьте время, я знаю, что не попал никуда. Но спасибо, что позвонили.

— Майкл, — настойчиво сказал тот, — вас не взяли на роль, это правда. Но я показал вашу запись своему другу... Он молодой режиссёр, занимается независимым кино. Он был очень, — Уолтер повторил для верности, — очень впечатлён тем, как вы читали сонет. Ему сейчас нужен такой, как вы. Молодой, естественный, неформатный. Что вы скажете, если мы встретимся?.. Скажем, в эту субботу?..

— Вы чего... — медленно сказал Майкл, — в смысле, вы меня в кино сниматься зовёте?..

— Бюджет у проекта маленький, — торопливо сказал Уолтер, — сто пятьдесят фунтов за съёмочный день. Я знаю, это не много, но фильм короткометражный, поэтому вот так... Если у вас нет других планов, — настойчиво повторил он, — мы можем встретиться?.. Это вас ни к чему не обяжет, просто я и Эдвард — это режиссёр — хотим с вами познакомиться. Расскажем, что за проект, может быть, обсудим детали... Майкл?.. Что вы на это скажете?..

Майкл сидел на мокрой траве, одной рукой обнимая Бобби за шею. Тот лизал ему лицо, сосредоточенно, будто выполнял важную обязанность — глаза, щёки, скулы.

— Майкл?.. — повторил Уолтер. — Что вы скажете?..

— Давайте встретимся, — сипло сказал Майкл.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Примечание к части

Роман выложен здесь:

<https://lit-era.com/book/vdrebezgi-b39583>